

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

ВИКТОР СУВОРОВ ЗМЕЕЕЕД

1936 ГОД. НАЧАЛО «БОЛЬШОЙ ЧИСТКИ».
ОН ДЕЛАЕТ КАРЬЕРУ В ОРГАНАХ.
КАКУЮ ЦЕНУ ОН ГОТОВ ЗАПЛАТИТЬ
ЗА НЕОГРАНИЧЕННУЮ ВЛАСТЬ
И ВОЗМОЖНОСТЬ РАСПОРЯЖАТЬСЯ
СУДЬБАМИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ?

Приквел остро-
сюжетных романов
«Контроль» и «Выбор»

★★★★★

Новая повесть от автора
супербестселлеров
«Аквариум» и
«Ледокол»

Жар-птица

Виктор Суворов

Змееед

«Добрая книга»

2011

Суворов В.

Змеед / В. Суворов — «Добрая книга», 2011 — (Жар-птица)

ISBN 978-5-98124-567-1

Действие новой остросюжетной повести Виктора Суворова «Змеед», приквела романов «Контроль» и «Выбор», разворачивается в 1936 году в обстановке непрекращающейся борьбы за власть, интриг и заговоров внутри руководства СССР. Повесть рассказывает о самом начале процесса укрощения Сталиным карательной машины Советского Союза; читатель узнает о том, при каких обстоятельствах судьба свела друг с другом главных героев романов «Контроль» и «Выбор» и какую цену пришлось заплатить каждому из них за неограниченную власть и возможность распоряжаться судьбами других людей. «Змеед» – уникальная историческая реконструкция событий 1936 года, в том числе событий малоизвестных, а прототипами ее главных героев – Александра Холованова, Ширманова, Сей Сеича и других – стали реальные исторические личности, работавшие рука об руку со Сталиным. В центре повествования – карьера главного героя по кличке Змеед в органах НКВД от простого наблюдателя, агента наружной слежки и палача, исполнителя смертных приговоров, работающего с особо важными «клиентами», до уполномоченного по особо важным делам и заместителя одного из приближенных Сталина.

ISBN 978-5-98124-567-1

© Суворов В., 2011

© Добрая книга, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Суворов

Змеед

© Виктор Суворов, 2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2011 – издание на русском языке, оформление.

* * *

Перед началом Великой чистки в высшем руководстве НКВД был 41 комиссар Государственной безопасности.

Звание Генерального комиссара ГБ равнялось званию Маршала Советского Союза. Это звание тогда носил только один человек. Он был арестован и расстрелян.

Из семи комиссаров ГБ 1-го ранга были арестованы и расстреляны семеро.

Из 13 комиссаров ГБ 2-го ранга – арестованы и расстреляны 11, один отравлен в кабинете нового заместителя главы НКВД, который, в свою очередь, через год был арестован и расстрелян уже во второй волне очищения.

Из 20 комиссаров ГБ 3-го ранга трое покончили жизнь самоубийством, 15 арестованы и расстреляны, один бежал в Маньчжурию, где позднее был убит японцами.

Из 41 комиссара Государственной безопасности, которые накануне Великой чистки руководили тайной полицией Советского Союза, 1937 и 1938 годы пережили двое. После смерти Сталина один из них был арестован и расстрелян, второй арестован, во время следствия сошел с ума и умер в психиатрической клинике тюремного типа.

Пролог

- Выходит, что за всю свою жизнь ты не убил ни одного человека?
- Так оно и выходит: ни одного.
- Вообще ни одного?
- Да все как-то не выпадало.
- Никогда-никогда?
- Совсем парень смутился:
- Никогда...
- Ну, ты даешь! Тебе скоро двадцать один, а ты...
- Так жизнь складывалась, что...
- А ты вспомни. Может, в юности... Ну хоть одного... или, быть может, в детстве?
- Не убивал.
- Зачем же тебя к нам прислали?
- Не знаю. Подписан приказ к вам явиться, вот и явился. Начальству виднее.
- Кем же ты раньше был?
- Разведчиком-наблюдателем по восьмой платформе Северного вокзала¹.

Переглянулись исполнители, присвистнули: вот это карьера!

– Ты, паренек, видно, с начальством дружишь: из разведчика-наблюдателя да прямо в подручного исполнителя в Лефортове! Такого взлета до тебя никто не делал. Такой приказ мог подписать только сам Народный комиссар товарищ Ягода.

– Вот он самый и подписал.

– Кто же тебя по служебной лестнице с такой скоростью тянет?

– Не знаю, кто тянет. Честное комсомольское, не знаю. Нет у меня блата. Безродный я. Из беспризорных. Знаете в Большеве колонию НКВД для босяков? Имени товарища Дзержинского. Так я оттуда. Перековали, перевоспитали, – и в разведку. Два года на десятой платформе наблюдателем работал, потом повысили, на восьмую перебросили. Год я там отмотал, обещали на седьмую платформу перевести за ударный труд, а тут вдруг – бац: приказ – подручным исполнителя...

– Тут что-то не так. Так не бывает. Чтобы до таких высот дойти, люди всю жизнь трубят. И очередь в нашу группу длиннее Беломорско-Балтийского канала. К нам заслуженные люди просятся – не берем... К нам исполнители из республиканских наркоматов рвутся, мастера с многолетним стажем...

– А меня сразу к вам...

– Да может мы тебя в свой коллектив не возьмем, неграмотного! На кой ты нам?

– Так прикажете и доложить в секретариат товарища Ягоды? Приказ им лично подписан.

– Приказ – дело серьезное. Да только у нас коллектив сплоченный. Не вступишь – выживем. И товарищ Ягода не поможет. Сам от нас попросишься. У нас работа серьезная. Мы последнюю точку в каждом деле ставим. Тут соображать надо. Давай-ка мы тебя на сообразительность проверим. Готов?

– Готов.

– Смотри, перед исполнением надо совершенно точно удостовериться, что это именно тот, кто тебе нужен. Для этого клиента к нам сюда заводят. Вот прямо в этот кабинет. Клиент не знает, что его прямо сейчас – того. Обстановочка у нас, как видишь, располагающая, даже занавесочка на окне. Я за столом сижу. Дело передо мной. Листаю странички. Мы тут вежли-

¹ С 1922 по 1955 год Северным назывался Ярославский вокзал.

вость блюдем. Ему сесть предлагаю. И вопросыки – про имя-отчество и год рождения... А на столе у меня по правую руку – пачка «Казбека» и спички. Что бы ты по левую руку положил?

В потолок парень взгляд метнул. Но на потолке ответа не оказалось. Посмотрел в окно. Но и там ничего интересного не обнаружил. Пришлось соображать самому. И он сообразил:

– Кулек мятных пряников.

Переглянулись исполнители. Согласились молча: верно парнишка мыслит.

Глава 1

1

- Меня Иолантой зовут.
 - А меня... – он на мгновение задумался. – А меня – Иваном Ивановичем.
 - Вот и познакомились, Иван Иванович.
 - Сколько же тебе, Иоланта, годиков?
 - Уже восемнадцать, – глазом не моргнув, – привычно соврала Иоланта.
 - И... сколько это стоит?
 - Три рубля.
 - Сдурела?
 - Найдите дешевле.
 - Давай за два.
- Смерила Иоланта оценивающим прищуром глубину бездонного неба и согласилась:
- Пусть будет два, только денежки вперед.

Так быстро она согласилась, что он даже пожалел: можно было бы рубль предлагать, а то и полтинник. Но было уже предложено и уже принято.

- Ладно. А где?
- У меня место есть.
- Что за место?
- Через площадь привокзальную, через трамвайные линии, за угол, там, в переулке, – трактир, за трактиром – конюшня, на чердаке – сеновал. Никого там нет, на сеновале.
- Хорошо. Только я заплачу, когда придем. Чтоб не удрала с денежками.
- Ах, мы такие недоверчивые... Идите за мной, только по той стороне улицы. И на меня все время не смотрите. Вроде гуляете. Вроде меня не знаете и не замечаете.

2

- Итак, все с самого начала.
- Товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, все было как всегда. Но на этот раз лопнуло колесо...
- Надо было сменить.
- Запасное оказалось с проколом.
- Надо было звонить.
- Звонил, никто не отвечал, снова...
- Короче, на сколько вы опоздали?
- На два часа девять минут.
- Дальше.
- Прибыл на Северный вокзал с опозданием. Обыскал все. Его не было.
- В милицию обращались?
- Конечно, нет.
- Правильно. Так где же он?
- Не знаю, как сквозь землю.
- «Владивосток – Москва» прибыл на первую платформу?
- Как всегда, на первую.

- Выяснили, кто работал на первой?
- Должен был Звонарев, агентурный псевдоним – Брыль. Но он на переподготовке. Вместо него работал Змеед с восьмой платформы.

3

- Здравствуйте, Змеед.
- Здравия желаю, товарищ Народный ко...
- Дома я просто Генрих Григорьевич.
- Здравствуйте, товарищ Генрих Григорьевич.

Подал Генрих Григорьевич руку. Пожал Змеед нежную белую ладонь Народного комиссара внутренних дел.

- Садитесь.

Садится Змеед, а сам замечает: народный комиссар под столом эдак незаметно руку платочком вытер, да платочек батистовый с буквами вышитыми – в мусорную корзину. Опять же – незаметно. Но Змеед не зря три года разведчиком-наблюдателем на Северном вокзале оттрубил. Змеед все видит. Только виду не подает. Так приучен.

У больших начальников, известное дело, к своим рукам почтение. Предшественник товарища Ягоды, товарищ Менжинский, ту же манеру имел, – в Болшево, в колонию беспризорную приезжал, всей шпане ручки жал. А потом, бывало, зайдет за уголок, чтоб незаметно, а там из особой канистры ему на руки спирт льют. Беспризорные ему однажды сказали, что лучше бы он им руки не жал и свои ладони спиртом не отмывал, а сразу бы им канистру отдал, так они б его за то пуще бы полюбили...

- Итак, дорогой Змеед, у вас теперь новая работа.

Подумал Змеед, что бы такое ответить, но ничего умного не придумал. Вместо ответа головой мотнул.

- Нравится?
- Еще бы!
- Это я вас на такую высоту поднял.
- Спасибо, Генрих Григорьевич.
- Приказ пока предварительный, но если будете хорошо работать, подпишу приказ окончательно.

- Постараюсь.

– Теперь – к делу. Прежде всего, подпишите вот эту бумагу. Это расписка о неразглашении. Вы, Змеед, никогда на моей даче не бывали, никогда меня не встречали, никогда со мной не говорили.

- Понял.
- Если понял, распишись. И выйдем в сад. Тут душно.

4

- Люська!
- Да.
- Люська, ты кого, стерва, привела?
- Бобра.
- Так он же чекист.
- А мне почем знать?

5

– Вот, товарищ Змеед, десять фотографий. Вы кого-нибудь из этих людей видели вчера на первой платформе Северного вокзала?

– Видел вот этого. Курьерский «Владивосток – Москва», прибыл в пятнадцать часов десять минут. Он вышел из шестого вагона.

– Пойдите... В поезде двенадцать вагонов. В Москве выходят все пассажиры. И встречающих – толпа. Смена ваша – восемь часов. За смену вон сколько поездов приходит и уходит. И вы одного разглядели? Одного запомнили? Он чем-то привлек внимание?

– Нет, этот неприметным был. Но я всех разглядываю. Работа такая.

– Продолжайте.

– Этот был в сером костюме, в шляпе, с портфелем. Думаю, чекист. Средней руки начальник.

– Нет, нет. Он не чекист. А почему вы так решили?

– Просто повидал их на веку. Предположил...

– Вы ошиблись.

– Минут через пятнадцать, когда толпа схлынула, он снова на платформе появился. Явно кого-то искал.

– А потом?

– Потом ушел.

– Этот человек исчез. Как вы думаете, куда он мог пропасть?

– Вариант самый верный: жиганцы выставили шлендру гулящую и взяли бобра на прихват.

Сморщился народный комиссар:

– Вы по-русски можете?

– Простите, Генрих Григорьевич. Ехал человек почти две недели в поезде, а до того, может быть, пароходом шел на материк четыре, а то и пять дней, истомился, и тут – Москва, вышел на перрон, никто не встречает, походил, подождал, еще походил, а на площади трех вокзалов фартовые девочки промышляют...

– И что потом?

– Потом заведет такая лярва в укромный уголок, предложит выпить для начала. Сама, лахудра позорная, понятно, первая пьет, потом ему наливает. В этот момент ловкость рук все решает. Он глотнет – и с копыт. Тут партнеры проявляются, склячивают клифт, лопатник, бранзулетки...

– А с ним что?

– А его под мост или в кусты на кладбище бросят. Отойдет он, голенький, через сутки – в голове шум, ничего не помнит. Вот только если он чекист, тогда хуже ему будет.

– Почему хуже?

– Потому что жиганцы залезут в лопатник, сообразят, на кого нарвались. Чекист так дело не оставит, всю жизнь потом их искать будет. Так чтоб не искал...

– Вот что, Змеед, этого человека надо найти. Может быть, он еще жив. Это очень важно. Я вам обеспечил небывалое повышение, еще и квартиру дам, будущее устрою, на вашей новой работе – самая высокая зарплата и много свободного времени. Все свободное время – на поиски. Докладывать только мне. Как думаете искать?

– Тут, товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, не мне вам подсказывать: надо оповестить райотделы НКВД Москвы и Подмосковья, обшарить все чердаки и подвалы, все пустыри, развалины, сады, парки, разослать фотографию: пропал человек...

– Нет, нет, только не это...

– Тогда путь один: искать завлекалку. Всех шмар, которые регулярно на трех вокзалах промышляют, я знаю. Туземная лярва на такое не пойдет. Да ее и не поставят. На такое дело только залетная годится.

– И вы вчера на вокзале... заметили новенькую, залетную?

– Приметил.

– Что вам нужно для поиска?

– Дайте мне картотеку на всех малолетних марух и вороваяк Союза. Желательно по районам – от Москвы до самых до окраин. Кроме того, в каждой московской школе, в каждом классе в конце учебного года групповые фотографии делают... Нужно собрать все фотографии со всех школ, детских домов, колоний для несовершеннолетних за последние два-три года... Уж больно незрелая мелькнула.

– Собирать фотографии не надо. У нас в НКВД они все собраны. Я отведу вас помещение. Но если... Если она... не московская?

– Тогда буду искать ярославских, тульских, тверских...

– На завтра у вас много работы в Лефортове?

– Нет, у меня два свободных дня, а потом у нас на исполнении один только Зиновьевец с процесса.

– Поступим так. В саду за яблонями и за сиренью – небольшой домик. Там никого нет. Вам подготовят место для работы, постель, обеспечат питанием. Повару заказывайте все, что только пожелаете. Мой секретарь Павел Петрович доставит каталоги малолетних преступниц. Потом подвезет фотографии со всех школ Москвы. Приступайте к работе прямо сейчас.

6

Дача, скорее поместье Народного комиссара внутренних дел СССР Генерального комиссара Государственной безопасности Ягоды Генриха Григорьевича – в поселке Коммунарка. Тут же – расстрельный полигон, который по размаху деятельности ничуть не уступает полигонам в Барыше, Бутово, Струмилино и даже в Куропатах.

Хорошо то, что от Москвы совсем близко. Врагов центровых по московским тюрьмам стреляют. Но это, так сказать, штучное производство. В редкие ночи – по несколько десятков. А если три-четыре сотни сразу, так это сюда, вон за те глухие ворота.

Еще и то хорошо, что не надо сил много тратить на охрану многих объектов. В Коммунарке все в одном букете – и дачи руководства, и дом отдыха чекистов, и учебный центр с небольшим стрельбищем, и, ясное дело, – спецучасток за высоким серым забором.

Красота неопишная. И тишина, когда расстрелов нет. Но и расстрелы особо тишины не расстраивают. Сосны вековые и зеленые елки надежно стрельбу глушат.

Сад у Народного комиссара огромный: яблони, вишни, крыжовник, смородина красная и черная, ежевика. А дальше в глубину – море сирени и черемухи. И там, в зарослях, – домик бревенчатый. Павел Петрович Буланов, секретарь Народного комиссара, завалил этот домик фотографиями. Звание у товарища Буланова – старший майор Государственной безопасности. В петлицах у него по два ромба, как у армейского комдива. У буржуев его бы генерал-лейтенантом величали. А в рабоче-крестьянском государстве генералов нет и быть не может. Генерал – пережиток проклятого прошлого.

Приветлив Павел Петрович. Все выпрашивает, не помочь ли чем. А чем Змееду поможешь? Он один смазливое личико в толпе приметил и тогда еще сообразил, что девочка не из приезжающих и не из уезжающих, не из встречающих и не из провожающих. Кто еще на вокзалах и вокруг вертится? Только тот, кто тут работает. И тот, кто чем-то промышляет.

Всех, кто на Северном вокзале работает, Змеед знает. Она – не из тех. Следовательно...

7

Весь пол папками фотографий запружен. Все столы и полки. Работает Змеед. Только иногда его от работы повар отвлекает. Персональному повару наркома в этот домик вход заказан. О работе Змееда знают только товарищ Ягода и товарищ Буланов. Повару положено три раза в день в дверь осторожно стукнуть: чего изволите?

Змеед изволил водочки клюквенной и вареников с вишнями да со сметаной. Водочки – чтоб немного совсем. Для аппетита. А вареников – до отвала. Ну, а что на завтрак? И на завтрак вареников. И на обед. Так и далее держать.

Повар в саду под деревьями стол синей скатертью стелет. В тени. Тут бы самое время напиться досыта и завалиться под вишнями. Но нет на то времени. Ночь, день и еще ночь и день. Три часа сна, потом и еще два, и еще три.

– Вот эта.

– Уверены?

– Очень похожа.

8

На Красной Пресне, прямо возле тюрьмы, – высоченные заборы. Над заборами еще и проволока колючая. Въезд – через стальные ворота с красными звездами, вход – через проходную с суровыми вооруженными вахтерами. Это – Военно-пересыльный пункт, ВПП.

За заборами – здания типа бараков. Только бараки те – кирпичные, крепко сложенные еще Государем Николаем Александровичем. Окна – почти под потолками. По метру высотой, по два с половиной шириной. Чем-то на орудийные амбразуры похожие. Входишь – зал с кафельным полом. У входа – дневальный. Кого ни попадя сюда не пустят. Вправо и влево от главного зала – спальни. Койки – солдатские, железные. В два яруса. 160 мест в правой спальне. 160 в левой. Это общежитие холостяков Первой боевой группы Пятого отдела Главного управления Государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Тут живет Змеед. У него – свободный выход за ворота: захотел – вышел, захотел – вошел. Хоть в полночь, хоть к рассвету. У Змееда – собственное спальное место и тумбочка, в железном шкафу – собственная секция с висячим замком.

В шкафу – шинель со споротыми петлицами, пара яловых сапог, сапоги резиновые, полуботинки фабрики «Скороход», брезентовый плащ, полушубок, шапка-кубанка, валенки с резиновыми галошами, три рубахи, штаны запасные, револьвер с патронами и кастет.

Кастет свинцовый Змеед сам себе смастерил. Собрал пуль в тире, выплавил свинец, форму вылепил и отлил. Кастет в кармане неудобно носить – оттягивает. Потому Змеед заказал сапожнику кожаную сумочку на ремень. На дежурство он с револьвером ходит, а кастет – с собой, так, на всякий случай. Федя Сверчок, который все знает, давно разъяснил Змееду, что «кастет» – слово французское, *casser* – «разбивать», *tête* – «голова». *Casse-tête* – головоломка. Но русские термин заморский слишком прямолинейно истолковали.

Сидит Змеед на кровати, на синем суконном одеяле с черными полосочками, соображает. Все вроде хорошо.

И что-то не хорошо. Новая работа подручного исполнителя интересна, увлекательна, почетна, денежна. В дни исполнения стограммовая доза предусмотрена, но дают сколько хочешь, на нормы не глядя. И кормят кашей гречневой с маслом, с котлетами. Худо ли? Но почему-то не нравится Змееду история с пропавшим на Северном вокзале пассажиром.

В дальнем углу Федя Сверчок книжку читает. Федя всегда читает. Не отрываясь. Подсел к нему Змеед:

- Слушай, очкастый, а как при царе Иване следствие вели?
- Два варианта: со следами и без.
- И как – со следами?
- Самый простой способ – веревками перетирали руки, ноги, живот или еще какие нежные места.
- А без следов?
- Способов уйма. Кладут на спину, руки-ноги растягивают и вяжут, на брюхо и на грудь
- блюдо железное, на блюдо – гирю пудовую, одну, другую, если мало – третью...
- Какое злодейство самое страшное?
- Ясное дело: умысел на царя. Крикнет холоп Ивашка «Слово и дело!» – и закрутилась карусель.
- Что значит «слово и дело»?
- Это формула такая. Крикнул на площади, крикнул в трактире, и никто тебя после того тронуть не смеет. Наоборот, каждый тебя охранять должен. Клич этот означал, что ты что-то знаешь про заговор. Тебя каждый обязан был проводить прямо к царю. А кто против тебя пойдет – того огнем жечь будут: зачем правде путь пресекаешь, зачем ей перечишь?
- А если я в шутку «слово и дело» крикнул? Если крикнул, да ни черта не знаю?
- Тогда тебя на скотобойне под ребро на крюк подвешат. Чтоб не шутил. Или посадят в котел с водой, разведут под котлом большой огонь и сварят. А выпрыгнуть не позволят. На то дюжие мужики с молотками приставлены. Еще могут за ноги подвесить на двух веревках, так, чтоб ноги в разные стороны растянуты были. И пилой по промежности надвое распилят. Вдоль хребта к голове.
- Понятно, – сказал Змеед и вздохнул почему-то глубоко и протяжно.
- Пошел в свой угол, достал лист серой бумаги, конверт, чернильницу и ручку со стальным скрипучим пером. Сначала написал на конверте: «Красная Пресня. ВПП. Спросить Змееда».
- Долго молчал, невидящим взглядом уставившись в чистый лист. Потом решительно вывел большими буквами: «Слово и дело».

Глава 2

1

Конец лета. И уж вроде осенью пахнуло. И скоро в школу. В десятый класс. И не хочется. Девочка московская, та самая, которую Змеед по фотографии опознал, с друзьями всеми почему-то перессорилась. И все по пустякам. Назло всем взяла да и махнула на недельку к деду своему на Украину. В Конотоп. Маленький такой городишко. Древний. Обрадовался дед. Вот, вспомнили старого. А то никто не помнит, даже НКВД.

Просидела девочка все утро в дедовом доме. Просидела весь полдень. И уж вечереет. К вечеру невмоготу ей дома сидеть. А через улицу – стена кирпичная. За стеной парк старинный. В парке – танцы. Музыка там чарующая, слушай – заслушивайся...

И вдруг грянула мелодия божественная – «Волны амурские». Удивительно: у нас Амур – река, великая, могучая, свирепая, своенравная, коварная, а у французов Амур – это любовь. Может, связано это как-то. Любовь ведь тоже дело великое, дело могучее, свирепое и коварное. Опять же совпадение: у них амурные истории – это вымысел, но такой, что слез в глазах не удержишь. У нас «Амурские волны» – такая мелодия, что надо часто моргать, чтобы слезы по щекам не катились.

Одним словом, поплыла мелодия над старинным парком, и не удержать больше девочку в дедовом доме. Цепями вяжите – упорхнет вместе с цепями.

А дед и скажи: шустрая, мол, какая. У нас тебе – не столица. У нас тут – Конотоп. Шпана то бишь. А девочку уж крылья в парк несут. Не повязать ее ни уговорами, ни замками, ни решетками.

Идти далеко. Весь парк стеной кирпичной опоясан.

Вход – прямо с противоположной стороны. Если бы через стену кирпичную – было бы рядом. А так в обход: вдоль высоченной стены до угла, за угол и вновь вдоль стены, и снова повернуть – вот только там вход с огнями и откроется.

Хорошо, что лето сухое. Потому по улице пыль смерчем метет. А если дождь, то по этим улицам не проедешь. Конотоп – это место, где кони в грязи топнут. Благо до сезона непролазного еще месяц целый.

Вечером хорошо. Вечером светло. И кольнуло: а возвращаться при фонарях. А где они, фонари? Во-о-он один на горизонте. А включают ли его в темноте конотопские товарищи или режим экономии блюдут?

Обогнула один угол. Обогнула другой. Пришла. Над воротами буквы в человеческий рост: «Жить стало лучше. Жить стало веселее. И. Сталин». Билетик купила. Прошла ворота и себя прокляла: парк дикий, словно лес тропический. Аллея в танцевальную площадку упирается. Вдоль аллеи фонари. И на площадке фонари же. Но весь парк во мраке. И морды.

Вы знаете, какие морды в конотопском парке?

Нет, вы не знаете, какие морды в конотопском парке.

Если бы современные режиссеры попали в то время да в тот парк, да сняли бы фильм про блатных и приблатненных, то в момент бы «Оскара» заработали за сюрреализм.

И девки в конотопском парке тоже сюрреалистичные. Вульгарно измазанные. Девки тех же мастей: блатные и приблатненные. Расписные девки. В наколках.

Милиционер в конотопском парке для порядка выставлен: взгляд мутный, к нижней губе сигарка прилипла, на правой руке якорь сизый, на левой кривыми буквами – «ВАСЯ».

Обратили на девочку внимание. Из-под кепочек, на глаза напыленных, – взгляды насилующие. А один взгляд ей совсем не понравился. Взгляд тот ее не только насилует, но и убивает.

– Аспид, ты посмотри какая краля!

– Нет, Ящер, не в моем вкусе. Мала. Годика через два.

– Заелся ты, Аспид. Бычий хвост за мясо не чтишь. А я займусь. Мне такая в самый раз. И ребятам моим. Да и милиции не грех попользоваться. А два годика ей не прожить. Попользуемся и заметем.

– Ходюť тут всякие, а нам потом сто пятьдесят третью статью шьют.

– И сто тридцать шестую.

Откуда девочке знать содержание статей УК-26? Но поняла: отошла юность. Откатилась. Отсеклась. Как только в парк вошла – так и юности конец. По ту сторону ворот парковых – жизнь в мечтах розовых. По эту – жизнь взрослая. Без надежд и иллюзий. И жизни той последние часы отмеряны. Ладно. Пока деяний квалифицируемых означенными статьями не совершено, будет она танцевать.

А надо отметить особо: танцевать она была великая охотница и мастерица. Для танцев была рождена, для танцев сложена. И ничего кроме танцев в голове ее долго не держалось. Доводилось ей на закрытых просмотрах для привилегированных деток фильмы зарубежные, пролетариату не рекомендованные, разглядывать. И уж как высмотрит в фильме выкрутас какой танцевально-зарубежный, так всю ночь и не спит, тренируется. Финтов танцевальных она знала не меньше, чем великий Капабланка знал финтов шахматных. Каждый раз на танцевальную площадку выходила она как на свой последний и решительный бой: или перепляшет всех соперниц разом или тут же и умрет вдохновенной смертью того героя, который отдал все силы до последнего великому делу освобождения рабочего класса. Жизнь дается человеку один только раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Вот ей и не мучительно, ей и не больно, и годы ее не бесцельны. У нее цель в жизни великая. Великая и простая, и ослепительная в своей простоте: так танцевать научиться, чтоб на паркетном полу совершать плавный прыжок в три оборота! Не мечта ли!

Так она и жила, и еще пока ни разу не умирала. Зачем умирать, если на танцах всех соперниц переплясывала. А прыжок в три оборота – это придет. Обязательно придет!

Хорошо ей жилось в ритме вальса, в дрожании заморского перепляса. Но танцы ее и сгубили. Доплясалась. Что делать в такой ситуации? Ничего и не оставалось: только плясать. Правильно сказано: помирать, так с музыкой.

Музыка в конотопском парке как везде у нас: Утесов да Шульженко. И еще вальсы старинные: волны то амурские, то дунайские, или сопки маньчжурские.

Нарасхват девочка. Никому не отказывает. Пляшет как чертик заводной. Если бы музыка не останавливалась, то и она бы продолжала, а так прерываться иногда приходится. Эх, быть бы ей звездой эстрады, подпевать бы великим певцам, пританцовывая. Так бы оно и было, не попади она в тот вечер на конотопскую площадку. С того вечера пошел ее жизненный перепляс другим руслом.

Мимо эстрад.

2

Гремит оркестр. Хорошо ей в музыке. Все страхи забыла. Замотала десяток кавалеров до одышки, до зеленых чертиков в глазах. Больше ее никто не приглашает. Что ж, она и сама умеет. Одна. Всем на удивление. И поверьте слову, танцы ее изумления достойны. Где-то рядом в черных кустах морду кому-то бьют. Долго бьют. Утомительно. И стон оттуда, и всхлипы жалобные. И орет кто-то страшным голосом, и посвист молодецкий из темноты новый мордо-

бой возвещает. И мусора́ буревестниками над парком реют. Мусор – это старинный термин. Дореволюционный.

МУС – это Московский уголовный сыск. Сначала одних только московских сыскарей мусорами звали. Потом – и всех остальных, не только московских. После революции слова «сыск», «сыщик» как-то неприлично стали звучать. Неблагозвучно. Потому «сыск» на «розыск» сменили. А мусора остались. Вот они-то в конотопский парк крикливым вороньем и слетаются.

Если появились, так это к буре. Буря! Скоро грянет буря!

И грянула.

Разразилась драка, какая бывает только у нас в Союзе, только у танцплощадки в центральном парке провинциального городишки.

Вначале вроде порыв ветра мордобойного над толпою просвистел, попригнул кой-кого, попримял. И стихло. И тут же громыхнула драка ураганным посвистом. Сверкнули ножи тысячей молний, взметнулись над головами колья да оглобли, хрустнули черепа орехами кокосовыми, зазвенел парк бутылками битыми. Хороша бутыл пол-литровая недопитая для ударов об голову. И не жаль, что разбивается на чужой голове. Даже недопитого – и того не жаль. То есть жаль, конечно. Но не очень. Водка – это почти спирт. Разливаясь по битой голове, по стеклам, в череп влипшим, водка раны стерилизует. Водка – и антисептик, и анестетик. Народная медицина, так сказать. Так что, разбивая бутылку о голову ближнего, помни: в бутылке еще должно булькать. А бить человека по голове пустой бутылкой, прямо скажем, варварство. У нашего доброго народа так не принято.

Разбивать бутылку недопитую об чужую голову и тем хорошо, что, разбиваясь, оставляет она в руке бьющего инструмент колюще-режущий. Им-то и в морду пырнуть можно. И пыряют. И бритвами морды режут. И глотки. И велосипедными спицами отточенными, как шпагами, бьют в глаза, и в животы, и в задницы, и туда, куда и не следовало бы. Заостренная спица велосипедного колеса – в народе «пика» – кажется сторонним наблюдателям оружием жутким. Но эта самая пика свидетельствует в пользу моего великого народа. В пользу его благородных наклонностей. Уж не о рыцарских ли традициях мушкетеров она напоминает?

Одна девочка на танцплощадке осталась. Знай себе выплясывает. Никого вокруг. А ей дела нет. Ревет драка ураганом. И вальс над парком: «Краси-и-ива Аму-ура волна...»

3

Вдруг остановилась она. Опомнилась. Остановилась, потому как рев драки рев музыки заглушил, а без музыки танцевать – это вроде как... Сами понимаете.

Метнула взгляд на большие часы на башне, обомлела: без минуты полночь. Домой пора. Вырвалась с площадки, и один ей путь: по аллее к выходу. А там самый центр побоища. Не пробьешься. А если пробьешься – у ворот мусоров-буревестников косяк, палками резиновыми смирение в народ вбивают. Так что девочка наша рванула бы к воротам, да уж больно буревестники старательны, машут дубьем, вроде ковры кремлевские перед историческим съездом родной партии выколачивают.

Нет, туда путь заказан. Потому – в кусты, в темь непроглядную. После прожекторов в глазах круги – ничего не видеть. Но она как мышь крылатая в темноте юбкой шуршит, на препятствия не нарываясь. Одна из очень давних ее предшественниц точно в такой же ситуации, убегая в полночь, потеряла хрустальный башмачок. История про башмачок, какой бы сказочной ни казалась, является чистой правдой. Древнее предание полностью подтвердилось современным опытом. Наша девочка, убегая, тотчас же туфлю потеряла левую, а на правой каблук обломала. Оно и к лучшему: без каблучков скорость выше.

Надо отдать должное и танцевальной выучке. У нас танцы современные десятилетиями порицались: мол, трата энергии молодежной. Мол, нет бы им, плясунам, энергию ту в дело потребить. Повернуть бы, к примеру, северные реки к южным берегам, заставив их течь вспять. Ан нет. Кобелируют и скачут кобылицами. В суждении таком есть резон. Но надо заступиться и за танцы. Хребтом виляние, задом колыхание и ногами выбрыкивание имеют и положительное влияние на молодой растущий организм: укрепляются мышцы ног и спины, плечевого и тазобедренного поясов, улучшается кровообращение, работа сердца и легких. Так что, если по ночному непролазному парку сверкать пятками, обходя крутыми виражами дерущихся, лучше сверкать пятками тренированными.

Вот и стена кирпичная. И деревьев у стены предостаточно. Белочкой амурской, мартышкой древесной, влетела она по стволу к гребню стены. Напоследок двинула туфлю обломанной, но все еще остроконечной, кому-то, схватить ее пытавшемуся. Двинула туда, где ноги сходятся.

Попала.

Точно говорю, что попала, ибо визг ответный тому свидетельством. И опять доброе слово танцам скажу: регулярная тренировка в танцевальном кружке или в студии хореографической повышает точность движений. Вот если бы не тренировалась бы она, не плясала бы каждый день до упаду, то, глядишь, и не попала бы. А так, хлесть – и в яблочко.

Перемахнула забор. С высоты с самой – бубух на дорогу, да в домик к себе! А дед Макар слышит шум сражения и воображение его страшные ужасы рисует. С ружьем дед караулит, и пес с цепей спущен. Но знает старый, что уж внученьки ему не увидеть. Не сберег, не усмотрел. Попасть в лапы шпане конотопской – то же самое, что попасть в чистые, теплые, добрые руки родной советской власти.

Тут-то она и прыгнула с забора почти рядом, да как мышка в норочку – юрк. А за стеною кирпичной – вопль. Вроде кого по самым нежным местам чем-то острым тяпнули.

– Дед, у тебя револьвер-то есть? – личико у самой счастьем светится.

– Такого не держим-с.

– Врешь, дед! Ты же надеешься дожить до момента, когда эту власть резать будут. Что ж, у тебя на тот случай даже револьвера нет?

– Ружьишком обойдусь.

– Врешь, дед!

– Револьвер – баловство. Если ружьишка не хватит, так я их пулеметом.

– Ну вот, заговорил. Пулемет. С пулеметом мне завтра на танцы несподручно. Но дай мне пулемет, я как-нибудь с пулеметом.

– Нет, девка, с пулеметом тебя завтра повяжут, пулемет отнимут, а мне что останется? Всю жизнь жду... Как же я тогда без пулемета? Иди спать.

Забралась она на чердак, расстелила на сене душистом одеяло, укрылась другим, лежит, в темноту смотрит. Завтра на танцы она идет. Это решено. Как славно под «Амурские волны» выплясывать. Как очаровательно быть центром внимания в этой милой провинции, где нравы столь первобытно просты и не искажены притворством. А пулемет бы в кустах заранее спрятать. Чуть что – вжик их всех из пулемета, и дальше пляши. Чертов дед, где же он пулемет прячет? Весь сад перерой – не найдешь. Уж прятал так, чтоб и чекисты не нашли. Понятно, что ей и пытаться нечего тот пулемет искать. Хрыч старый, сам на танцах не пляшет и людям пулемета не дает.

Покрутилась-покрутилась – не спится. Встала, свет засветила. Хорошо на чердаке. Жаль, луны в окне нет. Ночи почти сентябрьские. Вызвездило небо, а по низам темнотища. Книжку бы какую почитать. Чердак у деда всяким добром завален. Есть тут и книжки. Правда, мало-интересные: какой-то Гудериан, «Внимание, танки!», опять же Гудериан, «Танки – вперед!», Москва, Воениздат, 1935 год. Или вот совсем новенький «Полевой устав РККА 1936 года». ПУ-36. И на черта конотопскому деду Гудериан? И что он в ПУ-36 вычитать может?

С другой стороны, почему бы и не почитать? Вот зависти будет у соперниц, когда в тесном кругу друзей на память ПУ-36 перескажет!

4

Ночь к рассвету, а она страницами шелестит. Занимательная книжечка. Уж под утро загрохотал дед железяками во дворе, перекинулся шуткой с подкатившим шофером, и унесло деда по его делам, которые нам совсем не интересны. Тогда и решила она пулемет искать.

Искала – не нашла. А жаль. И вопрос на повестке дня: что делать? Ах как поплясать вечером хочется. Хоть бы три часика, не больше. Ну хоть часок! Хоть танец один, самый-самый пристойный. Ну хоть бы одним глазочком на танцы глянуть. А возвращаться как? Без пулемета? Хорошо, вчера драка выручила. Можно надеяться и сегодня на драку. Но если нет, тогда как? Ведь бывают же исключительные дни, когда в конотопском парке драки нет. Что если такой день и выпадет?

Осмотрела весь чердак в поисках чего-нибудь, что пулемету заменой могло бы служить. Добра, повторюсь, на чердаке том предостаточно. Вот, к примеру, старинные часы-ходики. Чем не оружие! Лежат часы в пыли, кукушечка вся давно проржавела и в домике ее паук-кровосос поселился. Не кукует больше кукушечка: знать, паук-злодей всю ее кровушку вылакал. Знакомая тактика – многие так поступают: написал донос на соседа и отправил его куда следует. Постучат ночью товарищи, шею соседу свернут, а домик свободен, забирайся туда, как паук-мухоед.

Впрочем, кукушкино гнездышко нашу девочку мало занимало. Гирька на цепочке – вот что интересно. Расклепала цепочку щипчиками. Взвесила гирьку в руке – свинец литой. Граммов на четыреста тянет. Прикинула, как гирька на цепочке смотрится. Красиво смотрится. А вот если не цепочку, а тот ремешок кожаный сыромятный в ушко продеть? Помяла ремешок, в масле подсолнечном вымочила, еще размяла, высушила, в ушко свинцовой гирьки продела, двумя узелками прихватила. Покрутила гирьку на ремешке, вспомнила знаменитых гимнасток, которые со скакалочками и прочими штуками на ковре выплясывают под гром аплодисментов. А потом вспомнила, что всю ночь не спала. Рада бы и не спать, но к вечеру ей свежей быть надо. И потому вытянулась на душистом сене, улыбнулась сама себе, да так с улыбкой и уснула. А уж солнце взошло и крышу раскалило, жара на чердаке, а в жаре самый сон непробудный. Разбросалась, разметалась девочка в наготе очаровательной. Вот если бы в тот момент на том чердаке оказался бы какой знаменитый Гойя с кистями да с красками, увековечил бы. Но не оказалось в тот момент на чердаке ни холста, ни кистей, ни красок, ни самого Гойи, и потому мне вместо него выпало картину описывать. Но сказано: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Как словами опишешь то, на что взирать надо? Я и не описываю. На слово верьте – было на что посмотреть.

5

Она спала глубоко и спокойно. Снился ей старый добрый британский ручной пулемет. «Льюис». 1914-го года.

47 патронов в диске... В Гражданскую войну вон их сколько навезли. Не все ведь погибли. Не все конфискованы. Народ у нас бережливый. Не пропадать же добру... Кто-то где-то прячет... а как найти?

А еще снился ей конотопский парк. И танцы. И музыку слышала во сне. Вальс. «Дунайские волны».

Счастлив тот, кто музыку во сне слышит.

Испугалась: не проспала ли танцы? Встряхнулась-встребенулась, из липкой неспросыпной тьмы вырвалась в явь чердачную. Видит: солнце к закату. Слышит: за стеной кирпичной танго точно труба фабричная ревет, пролетариев вроде на дела праведные созывает. Схватила она и давай умыться-причесываться. Час только и прошел. Ну, если не час, то от силы полтора часа, а она уж и готова. В лучшем виде: чулки черные, юбка черная, свитер легонький, черный, на шее косынка шелка азиатского. Черной не оказалось, потому синяя. Темно-синяя. На сегодня решила без каблуков. Стиль сегодня другой.

Подивился дед: штой-то ты, девка, в черном. Не на похороны ли? Смешно деду. А она и вправду на смерть в черное нарядилась: если за вечер танцев надо жизнью платить – заплатит. Жизнь без танцев – все равно не жизнь. Кому такая жизнь нужна? Поцеловала деда в щетину колючую троекратно, сумку черную – на плечо.

И пошла.

6

Гремит парк революцией патефонной. И морды по аллеям. И мусор Васька с сигаркой. Может, со вчерашнего дня та самая сигарка на губе и прилепилась. И не поймешь: блатной в мусора суканулся или мусор под блатного хляет. Идет она парком и пока не боится. Морды все знакомые. Не старалась она морды те запоминать и клички. Но до того народ живописный: хотела бы харю звериную забыть и кличку ее, но не забудешь вовек.

Вот и Аспид. Вот и Ящер. Вот мелкая шпана шелухой вокруг: Минька Гондон, Баклан Соловьевич, Жмот Тугосисий и сопливый такой корешок белоглазый по кличке Срань Тропическая. Всех их она вчера одним взглядом схватила, в память свою каждого отдельно как букашечку в коллекцию занесла, предварительно на булабочку наколов.

Не старалась, но помнит всех и улыбается всем: привет, Аспид! Ящеру – пламенный!

Нехорошо Ящер глянул, на приветствия не ответил. Ощерились шпанистые. Ну и ладно.

Танцует она в удовольствие свое. Час, и другой, и третий. Хватила только, когда далеко за полночь прощальный вальс объявили. И опять «Амурские волны» парк качнули. Бьют людей по парку там и тут, а драки большой нет. Вот тут ей первый раз страшно стало. До того страшно, что и вальс заключительный танцевать не хочется. Вышла на аллею и, одинокая, домой пошла. Миновала ворота освещенные, во мрак окунулась. Далеко-далеко фонарик мерцает. Собака воет. Ночь – глаза выколи. Прохладой осени дохнуло. Глаза понемногу к темноте попривыкли. Никого позади. И вроде идут. Прибавила шаг. Слышит: те тоже прибавили.

Оглядываться совсем нехорошо в такой ситуации.

Не оглядывается. Просто слышит: их – пятеро-шестеро. Хотелось бы рвануть жар-птицей в поднебесье. В страшных снах она всегда так и делала: чуть какая опасность – р-р-раз на крыльях, и улетела. Но не во сне она. И крыльев нет. А ногам своим непослушным привередливым командует, чтоб не неслись так быстро. Понимает: это как от собак бежать, побежишь – и они побегут. Только быстрее.

Миновала первый поворот, а до второго за целую вечность не доскачешь. Стенка кирпичная вдоль широченной улицы к самому горизонту невидимому подступает. По другой стороне улицы – заборы в два роста, и дома за заборами темные, мертвые, собаки за теми заборами зубищами лязгают.

Идет она и идет. Те позади ожили – шуточки, смешочки, а то как гаркнут голосищем страшным, и хохочут точно гиены в Африке. Уж не знает она, как до угла следующего добраться. Идет-идет, а он не движется навстречу.

Наконец вырисовался угол во мраке, а те позади вроде бы отстали. Так ей хочется рвануть за угол этот желанный, уж так хочется. И момент самый подходящий: отстали. И вдруг поняла она, что в западне. Там-то за углом ее и ждут. Оттого и отстали задние, чтоб она за угол рванула,

чтоб, значит, тем, кто за углом, в лапы самые угодила. И уж знает она наперед, кто там, за углом. Ящер – вот кто. Ему такую кличку за глаза змеиные немигающие дали. И блатной мусор Васька с ним. А сзади отстали – это Аспид с придворной шпаной. Они в западню ее гонят. Не наседа.

Сдавило ее голову обручем железным. Пулемет бы ей. «Льюис». Жаль, он со снаряженным магазином 17 килограммов весит. Его под полую не скроешь. Револьверчик бы самый захудалый... Но и его нет.

Дальше она повиновалась не разуму. Дальше она действовала вроде солдатики заводного: пружинка железная, а голова деревянная, не думающая. Повернула она круто назад и к тем, отставшим, навстречу пошла. Нет, не от храбрости. От страха. Туда идти – хоть знаешь, чего ждать, а как за угол кирпичный завернуть, в неизвестность жуткую?

Не поняли пятеро маневра ее. Остановились – ждут, когда подойдет.

Подошла.

– Жаль, мальчики, что вас пятеро, если бы двое-трое, так я бы и добровольно согласилась.

– Гы, – ответили мальчики.

Звериным чутьем понимает она, что сказать надо еще что-то такое, на что они бы не лапы к ней потянули, а промычали бы: «Гы». Сказала она им такое, и ответили они дружно.

А гирька свинцовая от часов-ходиков на сыромятном ремешке уж не в сумочке, а в ладони зажата, а ремешок на кисть руки петелькой накинута. Заговорила она, а сама ладонь разжала. Скользнула гирька к ногам, на ремешке у самой земли покачивается, и не замечена никем.

– Решили, кто первым будет? Ты что ли, Аспид?

– Гы, – ответил Аспид.

Рванулась она к нему тигрицей уссурийской. Правое плечо и рука далеко позади. Падая вперед, рубанула словно топором. Руку ее чуть из плеча не вынесло. Свистнуло над нею: не то сабля, не то молния черная. Обожгло Аспида по щеке, по шее, по спине. Вроде ятаганом турецким или проводом стальным раскаленным огненным хлестнуло его, пиджак с рубахой бритвой вспоров, а сзади вроде кто в тот же момент по позвонку с ребрами кувалдой врезал. Звякнуло-булькнуло внутри. Взопил Аспид, захлебнулся: в горле вроде горячий камчатский гейзер ударил. Дернула она ту штуку на себя, ухо правое Аспиду обрывая, и вроде бы всю его тушу на себя двинув. Подкосились Аспидовы ноги, грохнулся он мордой вперед, закрутило его, заломало, машет ногами, зубами пыль дорожную куснуть норовит.

Махнула она своей не то саблей, не то черт его знает чем, а лиц-то перед нею и нет. Шарахнулись преследователи в разные стороны, словно гуси-лебеди от лисы прыгнувшей, крылами округу всполошив. Только спины в темноте. Тут она и врубила по чьей-то. Хрястнуло-треснуло в той спине. И непонятное свершилось: врезала по спине, а отдалось в ногах. Подломились оба колена разом, и тело без воплей и криков в дорогу врезалась, вроде паровоз с рельс слетел.

Отскочила она в сторону, повалилась на дорогу, замерла. Вылетают из-за угла двое.

– Аспид! Аспид! Твою мать! Где она?

Прижалась она к земле. Лежит в колее глубокой, не шелохнется. Голову косынкой накрыла. Не зря во все черное наряжалась. С понятием. Пойди заметь. Жаль, перчаток на руках нет. Ничего, руки под себя спрятать... Жаль, в кусты не прыгнула. Затаилась прямо на дороге.

– Васька, свети по кустам!

Полоснул Васька-мусор лучом по кустам, полез медведем ветки ломать: да где ж она, мать ее!

Лежит она прямо посреди дороги немощеной. Влипла в пыль, втиснулась в колею. Вот сейчас фонарик полоснет по лицу, и взовьется она коброй иранской. Тут уж бить надо насмерть. Не через плечо. А прямо по голове. Гирькой свинцовой. На ремешке сыромятном.

– Ящер! Нет никого!
– Невидимая?
– Как сквозь землю.
– Аспида поднимай!
– Аспид, чем она тебя?
– Блю-блю, – Аспид горлом клокочет.
– Где эти шестерки подлые? Разбежались? Впятером с одной ссыкухой справиться не могли? Ну я ее завтра поймаю. Ноги-то выдеру.

Лежит она в пыли, совсем рядом Аспид горлом булькает. Второй, которого она прижарила, отходить начал, стонет-всхлипывает. Васька-мусор все кусты вокруг обшарил, матерится.

– Васька, шестерок собирай!
– Пошли, Ящер, вдвоем. Она, ведьма, из темноты сейчас выскочит-выпрыгнет, саблей изрубит.

– Схлюздил, мусор? Дрогнула душа фраерская?

– Да нет, Ящер, я чтоб с тобой рядом...

Свистнул Ящер посвистом соловьиным, аж в ушах заломило. Отозвался из темноты пересвист.

– Пошли, хлюздопер! Как до лягавки своей добредешь, красный крест вызывай, а то Аспид кочернуться может, а Мясистый вон землю жрет. Чем же она их так изукрасила?

Пошли Ящер с Васькой-мусором обратной дорогой, из темноты ватага вокруг них собирается, растет тучей грозовой. Тут бы девочке нашей тенью неслышной к заборам прижаться, да кустами домой бы. Но нет. Закрыла все лицо косынкой темной, гирьку на ремешке в кулаке зажала и неслышным привидением скользнула за Ящеровой шайкой.

7

Собралось шпаны табун целый. Туда повернули, сюда. Идет табун как орда Мамаева, крушит все на пути своем: скамейки через заборы мечет, урны чугунные в осколки дробит. В тихом городе черти водятся, и по ночам силы зла господствуют безраздельно. Один фонарь над Конотопом горел – и тот потушили, вместе со столбом из земли выдернув. А городочек привычен: попритих, окошечки ставнями позакрыв, свет вырубил, мертвым прикидывается. Ни звука, ни огонечка. Только стонет эхо разгульное в переулочках, только воет ветер по железным крышам, только лязгают псы цепные зубищами за заборами неперелазными, только бухает дверь в брошенном доме, где вчера семью вырезали, где некому дверь ту прикрыть.

Прет табун шпаны путем неисповедимым. Куда повернет? Влево? Вправо? Повернули веселые ребята влево. Повернули вправо. Ларек табачный ковырнули, пошел над табуном дым клубами. Встретился прохожий случайный, сбросились по кулачку, морду набили. Потом занесло весь рой снова в городской парк. В парке все как прежде, только свет уж давно вырублен и на центральной аллее, и на танцплощадке. Понесло орду по темным дорожкам, в один конец, в другой, пока не угнездились все на детской площадке. Ваську-мусора на стремя поставили, хотя бояться тут некого. Появилась откуда-то жидкость бодрящая. Пошли бутылки по кругу. Ящер совет держит.

– Так чем она Аспида приголубила?

– Саблей!

– Брось, падла, врать! Откуда у нее сабля?

– Нет, то не сабля, то был американский электрический мордобойник. На кнопку нажал и... Мой брат в загранке был, там, говорит, у каждого свой персональный мордобойник есть!

– Брось трепать, сопливый. Лучше расскажи, кто она такая, откуда появляется.

– Этого, Ящер, не знаю.

– Я знаю.
– Говори, Жабец.
– Соседка моя. К деду Макару в гости приканала.
– Ну что, олени, спалим дом?
– Брось, Ящер. С дедом Макаром лучше не связываться. Гадом буду, у него пулемет в доме есть. У него половина Конотопа в друзьях, а другую половину перестреляет.
– Так мы ж его в доме сожжем вместе с его ссыкухой.
– Нет, Ящер, дед Макар не горит. Он из огня как змей выползет, тебя найдет и ноги выдернет.

– Как он меня найдет?
– Без проблем. Поймает любого хлюздопера, пометелит, тот и расколется до самой дупы.
– Дело говоришь, Муравьятник. Хлюздоперов у нас развелось как крыс на зоне. Сегодня эта ссыкуха чем-то молотила Аспида и Мясистого, а с ними еще трое было. Им бы усечь, чем она машет, так нет же – разбежались. Давай их всех сюда, потолкуем.

Лежит она в траве так близко от Ящера, что слышно, как он зубами скрипит.

– Ну что, огольцы, делать с хлюздоперами будем?
– Бутылки на головах бить!
– Соберем все скамейки парка, перевернем вверх ножками и будем этих красавцев раскачивать да на скамейки бросать!
– Свяжем, положим на землю и с детской горки на них прыгать будем, пока каблуками ребра не переломаем!

Были у обвинителей предложения и более радикальные: схлюздили – пусть ответ держат.

Тут надо отметить, что в любой группе есть люди преуспевающие, уважаемые, и есть – не очень успевающие, не очень уважаемые. Вот те, которые не очень, – те всегда самые злые, самые ревностные блюстители законов и правил. Это точно как в Союзе советских писателей. Есть писатели маститые, талантливые, уважаемые. А есть шпана писательская, шушера, ничего кроме доносов сочинять не способная. Так вот эта писательская шпана и есть самая жестокая, самая кровожадная часть писательского сословия. Отъявленные бездарности являются самыми рьяными борцами за чистоту нравов. Союз писателей СССР, как известно, был организован на манер банды, и царила там все та же уголовная этика, потому сцена в конотопском парке живо походила на разбор персональных дел на пленуме правления Совписа. Только оргвыводы строже.

Вынесли решение. Выполнили его. Долго смеялись. Допили что было. Понемногу табун распадаться стал. Решено было дом деда Макара не жечь, а поймать завтра на танцах ссыкуху шестнадцатилетнюю и наказать по всей строгости конотопских нравов.

Откололась от кодлы кодлочка и пошла с песнями в одну сторону. Откололась другая кодлочка, пошла в другую сторону. Тает орда, расплывается, разбредается. Вот и один совсем Ящер остался.

Но это только так ему чудится.

Глава 3

1

Не дай бог свинье рогов, а холопу барства.

Генриху Григорьевичу Ягоде дал бог и барства, и рогов. Не в том смысле, что жена ему ветвистые наставила. Про то я не осведомлен. Может, и было что, но мне не докладывали. Я про другой рог. Был Неистовый Генрих когда-то тихой мелкой зверюшкой. Вроде хорька. В аптеке дальнего родственника за конторкой стоял, принимал рецепты, микстуры по стеклянным баночкам разливал, ярлычки клеил. А стал зверем многотонным, шкура непрогрызаемая, как броня на крейсере, а оружие его – тяжелый рог НКВД, которым брюхо можно пороть кому вздумаешь: хоть льву хвостатому, хоть крокодилу пресноводному. Стоит такая животина по колено в болоте, жует лопухи африканские, лениво по сторонам поглядывает, от мух жмурится, хвостиком помахивает, потом как взбесится – и понесся. Вот тут уж берегись! Лети с дороги птица! Зверь с дороги уходи! Зашибет!

Генрих Григорьевич Ягода – Карающий Меч Революции.

Ох, много он врагов извел. Счет на миллионы. Одних только мужиков во время коллективизации в тайгу да в голые степи двадцать миллионов вывез. Чтоб все там на морозе передохли! А 27 мая прошлого, 1935 года подписал Железный Генрих приказ НКВД № 00192. Два ноля, с которых начинается номер, означают, что документ имеет гриф «Совершенно секретно». У документов с грифом «Секретно» впереди один только нолик. Приказ от 27 мая требовал образовать «тройки» во всех районах, областях, республиках. В составе «тройки» самого низшего уровня – районный партийный секретарь, прокурор и начальник райотдела НКВД. Тот же состав и на всех остальных этажах власти в областях и республиках, только там начальники рангом выше.

Наши родные пролетарские суды так и продолжают вершить свое правое дело. А кроме того, помимо судов, врагов в лагеря направляют «тройки». Им в соответствии с приказом № 00192 предоставлено право сажать сроком до пяти лет. Им не нужно никакого суда, никаких адвокатов, им незачем вызывать подсудимого, вопросы задавать, ответы выслушивать, что-то выяснять. Все стало проще: собрались три начальника, выпили, закусили, список подписали – и гудят паровозы, и везут в телячьих вагонах провинившихся в тайгу да на крайний север. Вот и вкалывай, родной, на лесоповале или на никелевых рудниках.

Пять лет, правда, маловато. А с другой стороны, ведь не каждый способен оттянуть пять лет на золотых приисках Дальстроя. Кроме того, кто мешает потом еще пятерочку накинуть, и еще?

Долго Железный Генрих на верхах идею «троек» пробивал. Пробил, понимая, что задавать тон во всех сотнях и тысячах «троек» будут люди из НКВД – его люди!

Так ведь это только начало – давать пять лет лагерей без суда и следствия, давать, не глядя на подсудимого, не разговаривая с ним, давать не персонально, не человеку, на тебя смотрящему, глазами моргающему, а бездушному списку любого размера. Дальше и десять лет пробьем, и двадцать пять, да и высшую меру тоже. Добьется Генрих того, что любая районная тройка будет сама подписывать расстрельные списки. Не всё сразу. Дай срок.

Ласков с друзьями Железный Генрих, страшен врагам. Тот, кто ближе к лику его, тот обильно величием и лаврами наделен. На том отраженным светом слава Генриха играет-переливается. Холуйство великое вокруг себя Генрих учинил. Скажи кому: да вы-то знаете, кто я такой? Да я советник помощника заместителя! Да над нами сам Генрих Григорьевич!

Тут уж – шапки долой! И вопросик ласково-восхищенный: и *самого* встречали? И ответ небрежно-снисходительный: случилось.

Несется, бывало, Генрих по Москве в открытом «Линкольне», мотоциклетки стаей вокруг, словно рыбки-лоцманы возле акульего брюха. Несется Генрих по Москве – постовые в свисточки свистят, полосатыми палками велят всему московскому люду на месте застыть-замереть да смирно ждать пока под переливистый вой сирен с гиком и посвистом не пронесется мимо стальная кавалькада.

Гайдуки на мотоциклетах, того и гляди, с хлыстами ездить начнут, щелкать ими словно укротители, да черни орать: пади!

А сирены тогда вовсе не такие были, как сейчас. Сейчас-то наука вон каких высот достигла! Звуковой сигнал спецмашины теперь нежный, слух ласкающий. Плывет большой начальник по Москве, шинами шурша, синими огнями сверкая, малиновым звучанием слух граждан улаживая. Любо-дорого посмотреть да послушать. Но во времена, о коих речь, сирены были рычаще-квакающими, ухо рвущими.

Сам Генрих Григорьевич – на заднем сиденье утопает. Всегда один. Всегда задумчив. На нем мундир пепельный тончайшей шерсти шотландской, в синих петлицах – звезды первой величины. На челе – дума великая.

Донесли про нововведения Народного комиссара внутренних дел Украины комиссара Государственной безопасности первого ранга товарища Балицкого Всеволода Аполлоныча. Приехал означенный Всеволод на ДнепроГЭС непорядок высматривать. Полюбовался турбинами, из Америки доставленными, довольным остался. Трансформаторы поют-гудят – тоже вроде вредительством не пахнет. Потом узрел толстенный американский кабель и вовсе в восторг пришел. Приказал отрезать полметра. Повертел в руках: ни дать, ни взять – колбасина резиновая. А внутри медный жгут. Хрястнул той колбасиной по ящику деревянному с вражеской надписью «Made in USA», полетели клочки по закоулочкам. Совсем хорошо стало товарищу Балицкому. Тут же повелел огромную катушку размотать, на куски порезать, а из Америки новых катушек выписать. Теми орудиями меднорезиновыми и вооружил товарищ Балицкий милицию Украины.

Так что, споткнувшись в повествовании о резиновые палки, коими мусора в конотопском парке помахивали, не упрекайте меня в незнании предмета, не уличайте в невежестве и преувеличениях. Ничего я не выдумал, ничего не напутал. Рассказываю точно так, как было, ничего от себя не добавляя, ничего не выдумывая. Сомнения в точности и правдивости описания могли возникнуть просто потому, что у моего народа память короткая. Мой народ помнит, что резиновыми успокоителями милицию вооружил товарищ Хрущёв в июле 1962 года. А ведь хрущёвские палки – это всего лишь второе пришествие. А первопроходцем был товарищ Балицкий, на десятилетия почин Никиты опередивший.

Палки те потом отменили, но только после того, как выяснилось, что продажный мерзавец Балицкий – враг народа и британский шпион. Но это случится в следующем 1937 году. А у нас речь о 1936-м годе, когда кабель ДнепроГЭСа в воспитательных целях использовался очень даже широко. В те времена в великом и могучем языке даже глагол особый появился – «дрыновать», то есть охаживать дрыном массы народные.

Летят мимо товарища Ягоды кварталы московские, дума покоя не дает: не распространить ли великий почин Балицкого на всю страну великую, от края и до края?

Неплохо бы, да только не повернули бы злопыхатели и завистники блистательную идею против самого Генриха.

Не знаешь ведь, как слово твое отзовется. Не ведаешь, каким боком тайные недруги наизнанку вывернут, каким манером великую идею извратят, испоганят, против тебя же выставят. Много у Железного Генриха скрытых недоброжелателей. Вот звонил вчера Колька Ежов,

мелкий такой человечиска, секретаришка из Центрального Комитета, требовал протоколы допросов и очных ставок Зиновьева, Каменева, Смирнова и всяких прочих. Ишь, вздумал!

В дела НКВД нос совать! Железный Генрих секретарю своему Буланову Павлу Петровичу, махнув рукой, разрешил нехотя: дай уж что-нибудь этому заморышу, пусть отстанет. Чем бы дитя ни тешилось... Эх, подшутить бы над этим заморышем Колькой Ежовым! Вот вчера в кремлевском коридоре встретил Железный Генрих своего давнего противника товарища Томского Михаила Павловича, бывшего члена Политбюро, бывшего полновластного повелителя и хозяина всего Туркестана, да и пошутил:

– А вас, Михал Палыч, еще не арестовали? Странно.

А мои ребята по вам работают.

Сегодня утром доложили: застрелился товарищ Томский.

Есть порода людей, которые шуток совсем не понимают.

2

В 1922 году на самом верху семеро их было: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Пятаков.

К тому времени уже пророс и расцвел буйным цветом культ личности товарища Ленина. Но сам он, официально обожаемый и обожествляемый, был изолирован от всего мира и отстранен от власти. Это чтобы его драгоценное здоровье побережь. Товарищ Сталин так повернул дело, что Центральный Комитет обязал именно его покой дорогого Владимира Ильича блюсти.

И товарищ Сталин, повинувшись решению партии, блюл. Или блюдил. Уж не знаю, как тут выразиться.

Ради сохранения бесценного здоровья товарища Ленина сталинские врачи запретили дорогому Ильичу любые встречи, кроме встреч со Сталиным. Ленину не давали ни книг, ни газет. Чтобы не волновался лишний раз, вникая в наши победы и свершения. Писать Ленин уже не мог. Правая рука и правая нога парализованы. Отчего парализованы, говорить тогда было не принято. А зря – молодому поколению была бы наука: с дорогого Ильича пример не берите, иначе не только руки-ноги паралич расшибет, но и нос провалится.

Товарищ Сталин, будь его воля, вообще все контакты Ленина с внешним миром перерезал бы. Но все перекрыть не вышло. Не было тогда еще у товарища Сталина силы такой. Ленину разрешали диктовать пять, от силы десять минут в день.

И он продиктовал «Письмо к съезду».

Ленина товарищ Сталин обложил как медведя в берлоге. Но не досмотрел самую малость. Не доглядел. Упустил.

И содержание письма стало известно руководящим товарищам по верхам партии. В этом письме Ленин дал характеристики вождям.

Сталин, по мнению товарища Ленина, сосредоточил в своих руках необъятную власть. Товарищ Ленин был вовсе не уверен, сумеет ли товарищ Сталин всегда достаточно осторожно пользоваться той властью.

Троцкий, по ленинской оценке, отличается выдающимися способностями, но увлекается чисто административной стороной дела, то есть бездушный он бюрократ. А еще товарищ Троцкий боролся против Центрального Комитета Коммунистической партии. Это Ленин ему и припомнил. И тут же в письме еще одно, совсем уж убойное сочетание слов: небольшевизм Троцкого. Проще говоря – ужасно способный товарищ, но не наш. В нашей партии – чужой. А кто не с нами, тот... Да еще и против ЦК боролся.

При желании ленинскую оценку Троцкого одним словом можно выразить: враг! Враг с выдающимися способностями. И это не единственная оценка товарищем Лениным своего соратника. Ленин Троцкого публично обзывал Иудушкой.

Товарищи Зиновьев и Каменев в октябре 1917 года, когда было принято решение о захвате власти, трусили и решили переворот сорвать, дабы не попасть под карающую руку полевого трибунала. Но как сорвать государственный переворот? Очень даже просто: планы захвата власти они опубликовали в газете. Будь тогда во главе России люди с головой да крепкими нервами, узнав о планах восстания, поразвешивали бы на фонарях всех большевичков. Но во главе России стояли выдающиеся импотенты. Только потому переворот и удался. Зиновьев и Каменев тут же примазались к победителям и заделались вождями. Но через пять лет после переворота Ленин, давая характеристики своим соратникам, прошлое вспомнил и высказал, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева вовсе не был случайностью. Если проще – измена и трусость у них в крови. От них и дальше кроме паники и предательства ждать нечего.

Бухарин – по ленинской оценке – не только ценнейший и крупнейший теоретик коммунизма, но еще и любимец всей партии. Однако его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским. К этому Ленин добавил: он никогда не учился и никогда не понимал вполне диалектики.

Лучше не скажешь: ценнейший и крупнейший теоретик марксистской партии – большой путаник. И сочиняет он то, что с большим сомнением может быть отнесено к этому самому марксизму. А что же сочиняют другие теоретики рангом пониже? Кроме того, любимец партии никогда не учился...

А Пятаков – человек выдающейся воли и выдающихся способностей. Даром, что на него нельзя положиться в серьезном политическом вопросе.

Были в Политбюро Центрального Комитета в тот момент еще товарищи Рыков и Томский. Но Ленин их вспоминать не стал. Всем все ясно было и без ленинских комментариев.

Из письма Ленина следовало, что только у Сталина нет политических пороков и недостатков. Ленин лишь нутром чувствует, что товарищ Сталин в грядущем не всегда с достаточной осторожностью будет пользоваться своей необъятной властью.

Сталина никто тогда вождем не считал, но Ленин почему-то именно его поставил на первое место. И именно о нем сказал: Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть. По ленинской оценке, Сталин – единственный из всех, кого нельзя назвать врагом, трусом, предателем, путаником, паникером. И в серьезном политическом вопросе на него положиться можно. Один ему упрек: уж очень силищи у него много. И опасение: не наломал бы дров.

В письме содержалась единственная рекомендация соратникам по партии: Сталина снять с поста Генерального секретаря Центрального Комитета! Врагов, предателей, трусов, паникеров, путаников и тех, на кого в серьезном политическом деле положиться нельзя, оставить. А Сталина снять!

Ясное дело, после того письма товарищ Ленин больше ничего существенного и важного не диктовал. Может быть, и диктовал, но до соратников не дошло.

И, написав такое письмо, долго товарищ Ленин прожить никак не мог. И не прожил. Понял товарищ Сталин: как Ленина ни прячь, он все письма сочинять норовит. Мало ли что в его голову еще ударить может. Потому изоляцию ему товарищ Сталин обеспечил полную: Ленин умолк навеки, а чучело ленинское опилками набили и выставили на всеобщее обозрение в каменной пирамиде на Красной площади, словно дохлого фараона.

После Ленина остались три вождя: Троцкий, Зиновьев и Каменев.

Товарищ Сталин в вожди не лез, лозунги с трибун не кричал, гениальными сочинениями не обогащал золотой фонд марксизма. Товарищ Сталин черновой работой занимался, той, до которой у вождей руки не доходили. Товарищ Сталин взял под твердый большевистский контроль Учраспред ЦК – учет и распределение кадров: Иванова – возвысить, Петрова – опустить. Ушкина с уезда поднять на губернию, а Хрюшкина – наоборот.

Каждый районный руководитель – это номенклатура ЦК. То есть его судьбу только Центральный Комитет волен решать. Точнее, один из отделов Центрального Комитета – Учрас-

пред. И каждый командир дивизии – номенклатура ЦК. И каждый директор крупного завода. И любой чекист достаточно крупного ранга – в номенклатуре. На верхах товарищ Троцкий речи кричит, товарищ Зиновьев варианты плана Мировой революции взвешивает, любимец партии товарищ Бухарин, который нигде не учился, трактаты сочиняет, а по низам партии, по уездам и губерниям, уже сообразили, кто в доме хозяин, от кого судьба каждого зависит.

Тем временем товарищ Сталин рутинной работой занят. Он – организатор всех партийных конференций и съездов, потому он – и организатор всех выборов. И подсчет голосов – на его сталинской совести. Потому товарищ Сталин всегда знает, кто за него стоит, кто против, а кто еще сомневается. Товарищ Сталин знает, кто за Троцкого, а кто против, кто за Зиновьева и за Троцкого, а кто только за Зиновьева, но против Троцкого. Это полезно знать, чтобы врагов своих лбами сшибать.

А еще у товарища Сталина в руках – партийный контроль. Кто-то где-то подворовывает, кто-то по женской части слаб, а кто-то по ликероводочной. Кто-то план провалил, а кто-то документ секретный потерял. Всех их, нерадивых, на суровый суд партии! И товарищу Сталину в конечном итоге решать, кого карать, кого миловать. Хорошего человека можно и простить. А плохого – по всей строгости! Так идет выдвижение хороших, вытеснение, вытаптывание, вытряхивание плохих. Сорную траву с поля долой!

Но можно простить и плохого, предупредив: смотри, не той линии держаться будешь – припомним.

Тем временем товарищ Сталин сколотил «тройку» – Зиновьев, Каменев да он сам третьим. Общими усилиями Троцкого сбросили. После того товарищ Сталин с Бухариным союз заключил. Вместе с Бухариным Зиновьева с Каменевым от власти отодвинули. После того и до Бухарина очередь дошла.

И вот прошло 13 лет с момента написания Лениным «Письма к съезду». Изменилось все.

Теперь вождь в стране один – товарищ Сталин.

Троцкий врагом народа оказался. Недаром великий Ленин предупреждал: не наш он! Троцкий изгнан из партии и из страны. Он опозорен и проклят. Странно только, зачем товарищ Сталин его за рубеж выпустил?

Выяснилось, что бывшие вожди Зиновьев и Каменев – тоже враги народа, убийцы, террористы, заговорщики. Над ними суд идет. И мало кто сомневается в том, что наш самый справедливый в мире суд выпишет им и их подельщикам что-нибудь меньшее, чем высшую меру уголовного наказания.

Бывший вождь Бухарин снят со всех постов. Он кается и плачет. Он призывает партию сплотиться вокруг товарища Сталина. Он провозглашает на весь мир, что будет страшно рад, если расстреляют Зиновьева и Каменева. Их Бухарин обзывает собаками, омерзительнейшими из людей, падалью человеческой.

Бывший вождь Пятаков, человек выдающейся воли и выдающихся способностей, был когда-то главой правительства Украины. Теперь он понижен до первого заместителя наркома тяжелой промышленности. За ним – грех. Он когда-то давно выступал в поддержку Троцкого против Сталина. Он понимает, что товарищ Сталин ему это когда-то припомнит. Потому Пятаков старается. Он публично требует смерти Зиновьеву и Каменеву. Тем временем арестовали жену Пятакова. И Пятаков попросил Центральный Комитет дать ему возможность лично расстреливать любых врагов народа: от Зиновьева и Каменева до собственной жены включительно.

Человек выдающейся воли и выдающихся способностей не понял, что врагов стрелять есть кому и без него. Ему это доходчиво объяснили.

Но он все же нашел выход! Есть государственный обвинитель товарищ Вышинский. На процессе Зиновьева, Каменева, Смирнова и им подобных он обвиняет от лица государства, но почему бы не выступить еще от лица общества, от лица широких народных масс! Почему бы не

рассказать стране и миру, о том, как зиновьевы-каменевы-смирновы-мрачковские шпионили и вредили, как убили товарища Кирова, как организовали покушение на самого любимого человека, на великого товарища Сталина, как готовили свержение власти рабочих и крестьян? Почему бы не разоблачить и всех остальных заговорщиков, сидящих на черной скамье рядом с Зиновьевым, Каменевым, Смирновым?

Написал Пятаков письмо товарищу Сталину и получил ответ: молодец, правильно, давай!

Вот она – возможность отличиться! Вот он, шанс загладить ошибки прошлого.

Сочинил товарищ Пятаков речь обличительную, товарищу Сталину отправил. Очень та речь товарищу Сталину понравилась. И приказал товарищ Сталин ознакомить с содержанием обвинительной речи подсудимых Зиновьева, Каменева и Смирнова. А вот им та речь очень даже не понравилась. И сказали они дружно: ах ты гад! Нас топить вздумал? Не выйдет! Вместе с нами, падла, утонешь.

И все втроем объявили, что сам Пятаков – враг, изменник, предатель, заговорщик, троцкист, отравитель колодцев и поджигатель посевов, шпион германский, японский, польский и румынский.

Пятаков этого пока не знал. Получив благодарность от товарища Сталина за позицию непримиримую, за пламенные обличения врагов, отбыл товарищ Пятаков в Ялту, в санаторий Совета Народных Комиссаров, здоровье восстанавливать.

3

Работа подручному исполнителя непыльная. Первым делом надо клиента из камеры выдернуть и к месту проверки доставить. А это – 55 пар шагов по коридору и 13 ступеней вниз. Чтобы клиент не трепыхался, надо его не толпой целой гнать, а вести с одним только надзиралой, вроде и не на казнь вовсе, а на какое-то дополнительное выяснение.

Камеры смертников в Лефортове на два засова запираются, на два замка. Один ключ у начальника тюрьмы, другой – у корпусного. Так что даже если начальнику Лефортовской тюрьмы вздумается смертника выпустить, то ему самому это сделать не удастся. Согласие второго лица требуется.

Ключ начальник никому не доверяет, чтоб копию не сняли. И корпусной тоже никому не доверяет, даже своему начальнику. Какое тут доверие: слиняет приговоренный, на его место сядешь, вместо него в подвал с опилками тебя сволокут.

Каждого приговоренного и начальник тюрьмы, и корпусной сдают спецкоманде под расписку. Расписался Змеед в двух журналах. Начальник с корпусным каждый своим ключом отпирают замки и уходят. Дальше – не их дело. Спецкоманда в Лефортове работает, но начальнику тюрьмы не подчинена. У спецкоманды – прямое подчинение комендантскому отделу НКВД.

Змеед с надзиралой тяжеленную дверь распахивают, за ней – решетка с замком. Это для того придумано, чтобы арестант не бросился на того, кто первым входит.

Как только замки гроыхнули, арестанту положено без команд лицом к стене развернуться, руки за голову, ладошками наружу. Это чтобы гвоздем или бритвой не полоснул. Ему-то терять нечего.

Не у каждого поначалу выходит ладошки на затылке наружу выворачивать. Но в Лефортове хорошие учителя. Вмиг научат: ладонями уши накрой. Теперь разверни ладони назад. Просто? Просто. И палкой резиновой, товарищем Балицким в НКВД внедренной, – по печени! Чтоб лучше запомнилось.

Впрочем, таить арестанту в руках нечего. Камера пустая совсем. Вдоль стены – широкая деревянная скамейка на бетонных опорах. Это тебе и диван, и кресло, и кровать. Матрас, подушка, одеяло – в полном отсутствии. Чтоб клопов не разводить. Стены досками обшиты.

Древесина какая-то не из твердых. Это для того, чтобы руки на себя не наложил. А то хитренькие находились – сами головы об стены или об пол разбивали. Тут этот маневр не проходит. С одного раза никак не разобьешься до смерти. Второй попытки не дадут – рубаху накинута смирительную. А рубаха кожаная. Руки-ноги повяжут – не трепыхнешься. Еще и пару ведер воды на тебя выплеснут. Пока кожа мокрая – хорошо. А как начнет сохнуть, так волком вой – корежит всего.

Каждый, кто в такую камеру попадает, предупрежден, что лучше головой об стену не биться, хуже будет.

Ключ от внутренней решетки – у надзиралы. Если даже начальник с корпусным сговорится арестанта выпустить, то и это не выгорит. Потому как к третьему ключу у них доступа нет.

– Заключение Смирнов, подойди!

Подошел.

– Повернись! Руки давай!

Развернулся спиной, просунул обе кисти меж прутьев. Застегнул Змеед блестящие браслеты американские. Расписался еще раз. Только после того надзирала щелкнула замком, решеткой скрипнула: выходи.

Молчит заключенный Смирнов. Змеед с надзиралой тоже молчат. Только Змеед Смирнова легонько пихнул, мол, иди. Пошел. Прошли коридором, по ступенькам спустились. Толкнул Змеед дверь в кабинет, кивнул надзирателю: все, свободен, дальше мы сами.

В кабинете две двери. В одну вводят, через вторую выводят, вернее – выволакивают. В кирпичной стене окно в два роста. Весь кабинет светом солнечным затоплен. Заключение Смирнов аж зажмурился и скорчился от яркости такой. Отвык. Меж двух рам в мощные стены решетка навечно вписана. Но она вида не портит. На окошке занавесочка с узорами блеклыми. На подоконнике цветочек гераневый. Посреди кабинета несокрушимым бастионом канцелярский стол. За столом в кресле – начальник комендантской спецкоманды товарищ Крайний. В углу – сейф. Над товарищем Крайним огромный портрет Народного комиссара внутренних дел Генерального комиссара Государственной безопасности товарища Ягоды Генриха Григорьевича. Перед товарищем Крайним – личное дело Смирнова. По правую руку – пачка «Казбека» и спички. По левую руку – кулек. Товарищ Крайний пряник печатный грызет.

Расстегнул Змеед наручники, толкнул Смирнова к табуретке к полу привинченной: садись.

Сам Змеед позади встал. У стеночки. Рядом с ним еще двое подручных – Рындин и Реут. Отложил товарищ Крайний пряник недоеденный, прожевал задумчиво, дело раскрыл:

– ФИО...

– Смирнов Иван Никитич.

Побледнел Змеед, к стене прижался: а ведь сейчас, вот прямо через пару минут этого человека убьют.

– Год рождения?

– Восемьдесят первый. Рязанская губерния.

Саня Реут друзьям подмигивает, на Змееда кивает: сейчас бедняжка в обморок завалится, белый, как лебедь.

– Последняя должность?

– Народный комиссар связи СССР.

Коля Рындин тоже на Змееда поглядывает: слабоват товарищ, не на ту работу попал, не по Сеньке шапка, не по Хулио сомбреро...

– Кем был до того?

Расправил Смирнов плечи, гордо словом швырнул:

– Я, Иван Смирнов, был председателем Сибирского революционного комитета!

Прославлен товарищ Смирнов на всю Сибирь кровожадностью звериной. Его вся страна знала как Сибирского Троцкого. Смирновские расстрелы Сибирь веками не забудет. На Енисее Смирнов плоты с повешенными по течению пускал, словно кораблики. Сёла жечь любил зимой, чтобы тот, кто не сгорел, околел бы на морозе.

– После Сибири?

– После Сибири послан партией в Петроград. Был секретарем Петроградского комитета и Северо-Западного бюро ЦК.

– У Зиновьева?

– У Зиновьева.

Чистил товарищ Смирнов Питер не хуже Сибири. По приказу Зиновьева избавлял город от эксплуататорского элемента. Заодно квартиры царских генералов и министров освобождал под новых правителей. Удар смирновский – по бывшим буржуям, но попутно досталось и всем остальным, от кронштадтских матросиков до бывших офицеров, от инженеров до уличных босиков. С детской беспризорностью, со спекуляцией, с эпидемией сифилиса Смирнов своими излюбленными способами боролся – все теми же массовыми расстрелами.

И вот он теперь на табуретке сидит затылком к Змееду. Знаком Змеед с товарищем Смирновым почти лично. Села сибирские огромные. Запалишь с одного конца, так чтоб по ветру, – долго гореть будет, если не тушить. Село Ферлюево, где вольные люди Ширмановы со времен царя Алексея Михайловича проживали, Смирнов сжег походя. В селе Ферлюево заложников Смирнов почему-то брать не стал, никого и не расстреливал. Только ребята его пулеметным огнем валили тех, кто тушить пожар пытался. Всех Ширмановых и положили. Один только малолетний и остался. Подался он к лесным людям, вместе с ними чекистов, комиссаров, продотрядовцев ловил, брюхи порол и зерном набивал: обожритесь, гады, сибирским хлебушком! Там его Змеедом и прозвали. За особую злость. Погиб отряд в неравном бою, а Змеед вывернулся, волчьими тропами ушел. В Питер к беспризорным подался. А там снова Смирнов! Чуть Змеед под облаву расстрельную не попал.

Ох, знал бы товарищ Смирнов, кто у него за спиной зубами скрипит!

Совсем Змееду плохо. Томит, как перед потерей сознания. Рукам места не находит, то ворот расстегнет, то сам себе рот ладонью зажмет... Нашупал рукой на поясе кожаную сумочку с чем-то твердым, сообразил, что это головоломка французская, почему-то легче стало...

Допрос между тем своим чередом течет.

– Судимости?

– Первый приговор в двадцать седьмом. Три года ссылки за троцкизм. С троцкизмом порвал и публично осудил. Второй приговор в тридцать третьем году. За оппозицию зиновьевскую. Пять лет СЛОНа – Соловецких лагерей особого назначения. Срок не успел дотянуть – еще один процесс. Вместе с Зиновьевым и Каменевым – высшая мера уголовного наказания...

– Ну, это еще как сказать. Власть у нас народная, гуманная... Помилование просил у рабочих и крестьян?

– Просил...

Видит Змеед: аж затылок Смирнова напрягся.

Товарищ Крайний успокоил:

– Ответа пока нет... А ты не куришь?

– Не курю.

– Ну так пряником угощайся.

Даже не поверил Смирнов. Сколько лет пряников не грыз.

– Ну, бери!

Встал Смирнов, руку протянул, над столом согнулся. Это самая удобная поза для нападающих сзади. Стол-то широкий. Чтобы до кулька дотянуться, нужно пополам перегнуться, наклониться всем телом. Равновесие нарушено почти полностью. Это самое неустойчивое

положение тела. Бери голыми руками. Курящим – «Казбек», некурящим – пряники. А подручным сигнал: только рука вперед протянется, бросайтесь разом, ласты за спину, да проволокой вяжите.

Не дотянулась смирновская рука до пряника. Змеед рысью уральской на спину прыгнул, рубанул кастетом по пальцам, и тут же, тем же кастетом – по ребрам. Левой рванул за плечо, разворачивая к себе ненавистную рожу, и вмазал между глаз в переносье. Рухнул Смирнов. Змеед табуретку за ножку – голову размозжить. Не поддалась табуретка – к полу крепко приварена.

Подручным вязать Смирнова надо, но нечего тут вязать. Лежит он мешком с картошкой в луже крови. Подручные на Змееда бросились, руки заломили: сдурел?

Сам товарищ Крайний из-за стола выскочил, кулек пряников зацепив, на пол просыпав.

Из расстрельной двери дежурный исполнитель товарищ Злыдень: что за шум? Злыдень облачением на пилота похож и вроде – на мясника. От пилота у него шлем кожаный, очки мотоциклетные, перчатки с раструбами до локтей. А от мясника – широкий длинный кожаный фартук.

Ругается товарищ Крайний. Как не ругаться – весь пол кровью заляпан. Для предсмертного мордобоя соседняя камера определена. А в кабинете зачем гадить?

Кончиком сапога коснулся командир расстрельной команды лица арестантского, развернул на свет. Не дышит.

А жив ли, нет, – не понять.

Змееда подручные к стене прижали, угнув голову хватом смертельным. Командиру взглядом: что делать?

Махнул товарищ Крайний: да отпустите его. И Злыдню, пнув Смирнова сапогом:

– Вроде убит. Дострели для верности.

Подхватили подручные тело смирновское, потащили вниз по лестнице в подвал с опилками.

4

В большой чистой тюремной комнате с двумя высокими окнами собрана вся комендантская спецгруппа. Стоят, головы понутив.

Товарищ Крайний злостью брызжет.

– Товарищи, у нас в спецгруппе чрезвычайное происшествие. Наш новый товарищ, Змеед, нарушив инструкцию, бросился на приговоренного и нанес ему удары, которые привели к потере сознания или к смерти. Исполнение приговора пришлось проводить в условиях бессознательного состояния приговоренного или даже после его смерти. По инструкции мы обязаны в последний момент уже на лестнице исполнения задать вопрос, не желает ли приговоренный что-либо заявить. Змеед такой возможности нас лишил. За проявленную несдержанность, за нарушение инструкции объявляю Змееду строгий выговор. Перед руководством буду ставить вопрос об отчислении из спецгруппы. Всё. На сегодня свободны.

Вышел товарищ Крайний, дверью хлопнув.

Следом за ним дежурный исполнитель товарищ Злыдень рванул, дверь за собою плотно прикрыв:

– Ты что наделал?

– А что?

– Сообрази: осуждены Зиновьев, Каменев и их ближайшие подручные. Всего 16 врагов. Все они получили заслуженный и давно всем трудовым народом ожидаемый высший приговор. Сегодня Зиновьева и Каменева шлепнут на Лубянке в присутствии товарища Ягоды. Но почему-то остальных разослали по разным расстрельным пунктам Москвы. Это для чего?

– Не знаю.

– На суде выяснилось, что Смирнов – посланник Троцкого в Советском Союзе. И он это признал. Его к нам привезли на исполнение. И тут же у нас в группе новый человек. Его сам Ягода к нам прислал. Для чего, спрашиваю?

– Не знаю.

– Для контроля! А кликуха ему – Змеед! Рассказал, что никого никогда не убивал, ты и поверил. Да ты на его рожу посмотри. На ухватки. Зря он с кастетом ходит? Зря он бледнел и дрожал? Да он дожидаться не мог, когда до убийства дорвется! Кабинет он тебе смирновской кровью заляпал, ты ему – строгача, еще и отчислением пригрозил. Ты во всем прав! Любой человек, которого приговорили к смерти, сообразив, что попал в расстрельный подвал, что это – конец жизни, может заявить что-то очень важное, то, что раньше утаивал. Потому в инструкцию внесено требование в последний момент спросить, не желает ли приговоренный что-либо сообщить. Змеед инструкцию нарушил. Ты его перед строем наказал совершенно правильно. Но! К нам же наверняка сексотов засылают, чтобы на каждого из нас материальчик иметь. Ты, командир, прав. Но ведь можно твой поступок вывернуть и так, что ты защищаешь центрального троцкиста от гнева народного.

– Понял, – отчеканил товарищ Крайний.

– Раз понял, действуй.

– Действую! Звони на проходную, чтобы никого из наших за ворота не выпустили. Еще никто далеко уйти не мог. Собирай срочно группу. И завхоза ко мне, пусть все, что надо, обеспечит...

5

Собрана группа в той же комнате. Построена в линейку.

Свиреп товарищ Крайний.

– Змеед!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть выйти из строя.

Отрубил Змеед три шага вперед, замер.

Молчит строй. И товарищ Крайний молчит. Вдоль строя не спеша расхаживает. Каждому в глаза жаждущим вампиром заглядывает. Потом вдруг остановился, круто развернулся.

– Мы тут всё про классовое чутье, про пролетарскую непримиримость болтаем. А вот Змеед сделал то, от чего я сам себя и вас всех с таким трудом удерживал. Надо б тебя, Змеед, покарать примерно за нарушение инструкции. Так я и делаю. Выговор с тебя не снят. Права я такого не имею – нарушения без наказания оставлять. Ты наказан. Но я на твое нарушение светлым отцовским взглядом смотрю. Нарушай еще! Без наказания не останешься. Но вот тебе от меня лично.

Достал товарищ Крайний из жилетного кармана часы на золотой цепи, подает. Потом не сдержался, обнял.

– Нашему новому боевому товарищу Змееду за проявленную ненависть к врагам рабочего класса, за усердие в службе объявляю благодарность. Буду ходатайствовать перед вышестоящим руководством о денежной премии и бесплатной путевке на курорт. В нашей группе, товарищи, появился новый боец, в котором кипит и клокочет классовая злость. Пролетарское ожесточение некоторые из вас не оценили по достоинству. А ведь он просто не мог дожидаться момента, когда надо на врага бросаться. Троцкистско-зиновьевскую банду мы, товарищи, изведем. Побольше бы нам таких кипучих и могучих, как наш новый сослуживец. Нашего полку прибыло. Прошу любить и жаловать побратима!

Распахнулась дверь в соседнюю комнату – на длинном столе бутылок целый эскадрон и скромная холостяцкая закуска: огурцы, помидоры, капуста квашеная, картошка жареная, колбаса вареная, розовое сало полосочками, селедка с луком, шпроты в масле, хлеб черный ломтями.

6

Вышел Змеед из лефортовских ворот. Куда путь держать? Этого он пока не решил. На подножку трамвайную прыгнул: куда вынесет. Ветер пыльного августа – в лицо. Звон встречного трамвая – в душу. Он никогда не ездил одним трамваем от одной остановки до другой. Он всегда прыгал на ходу, на ходу и соскакивал. И прыгал на другой. Он всегда путал след. Сам не зная зачем. Так служба приучила.

Спрыгнул с одного. Прыгнул на другой, на третий. И оказался где-то совсем рядом с Кремлём. Сел на лавочку. Призадумался. Потом решительно двинулся к Александровскому саду. Он знал: у Боровицких ворот в неприметном уголке, где почему-то нет охраны, висит простой почтовый ящик. На нем два только слова: ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

Сразу оговорюсь, что почтовых ящиков там не один, а сразу четыре. На одном надпись – «По Москве», на другом – «По стране», на третьем – «Зарубежные». А вот четвертый как раз для товарища Сталина. Так ящики расположены, чтобы любому нормальному человеку к ним подойти можно было, да чтоб никто посторонний увидеть не мог, в какой именно ящик письмо брошено. Народ московский тот уголок знает, письма в те ящики бросает. За всеми не уследишь.

Три дня Змеед носил конверт за пазухой. Теперь решился. Подошел. Поднял зеленую крышку, оглянулся и бросил свой серый конверт. Никто не видел? Явно никто. Теперь надо скорее уходить. Следы путая. Вскочил на извозчика: гони! Куда гнать? Вперед гнать! Сыпанул горсть серебра, соскочил – и переулками! И на подножку трамвайную!

Уж потом, отдышавшись, сообразил Змеед, что неспроста почтовый ящик в неприметном месте. Это для дураков, для тех, кто думает, что тут нет наблюдения. А оно есть. Без него, да еще в таком месте, не обойтись. Ясно, как заря апрельская, что следят за каждым, кто в этот ящик письмо бросил. Понимает Змеед, что и за ним вертлявые увязались. Да только не на того напали. Уходит от них Змеед одному ему известными, давно подобранными и проверенными маршрутами отрыва. Никого за ним нет. В этом уверен.

Если письма Сталину адресованы, тогда люди Сталина могут следить за теми, кто анонимки бросает. Такой слежки Змееду бояться нечего. Он написал письмо Сталину, назвав себя, свой адрес оставив. Но у Сталина много врагов. Тот же Ягода, например. Враги тоже следить могут за этим местом, выявлять тех, кто Сталину сигналы шлет. Вот они-то и опасны. Вот от них-то и надо уходить, путая след.

7

Тихо в казарме на ВПП. Кто-то после ночного дежурства похрапывает. Кто-то, наоборот, перед дежурством. Но большинство коек пусты – на работе народ.

В углу только Сверчок очкастый. Увидал Змееда и с книжкой – к нему. Вроде показать что-то интересное решил. Рядом сел. И тихо так:

– Ждут тебя. Кому про меня вякнешь – убью.

– Кто ждет?

– Выйди за ворота. На станции перейди через все пути. Между эшелонами проверь, чтоб хвоста не было. На той стороне за складами – ларек пивной. Знаешь?

– Знаю.

– Там тебя дядька на мотоциклете ждет. Скажи, от Сверчка.

– Понял.

Вышел Змеед за ворота. Вдоль заборов прошелся. Наклонился шнурок завязать. Это поза удобная для того, чтобы осмотреться, но при этом воровато не оглядываясь. Вроде никто за ним из ворот не вышел. Никого кругом. Товарными эшелонами станция забита. Но тихо. Нырнул под вагон, под другой. Тут уже открыто озираться можно, подозрений не вызывая. Ведь крутят же головами все нормальные люди, железнодорожные линии пересекая.

Чудно Змееду: не успел от Кремля до Красной Пресни добраться, а его уже ждут. Первая боевая группа Пятого отдела ГУГБ, а и в ней сталинский человечек притаился. Кто бы на очкастого Сверчка подумал? Тихоня тихоней, а тут вон какую речь завел: убью, говорит!

Попетлял Змеед переулками, к ларьку вышел. Стоит там дядька огромный в шлеме кожаном, в очках, в длинном черном плаще. На дежурного исполнителя уж очень похож.

Не дожидаясь слов заветных от Змееда, сунул шлем и очки, на мотоциклету кивнул: садись, только держись крепко.

Не узнать Змееда в том шлеме, в тех очках.

Каблуком правым так дядька по рычагу саданул, что взревела мотоциклета дьяволом непокорным, аж подпрыгнула, чихнув бензиновым дымом зело вонючим и поганим. И понесло их по гулким булыжным мостовым. Рев на три версты. Ветер в ушах да свист. Вцепился Змеед в спину могучую, ужас затаив.

Глава 4

1

Девочка озорная от дерева к дереву, от куста к кусту скользит. Очень уж ей интересно, где Ящер живет. Загремел Ящер калиткой. Пса с цепи спустил. Побрел в сад да там под деревом и залег.

А небо уж сереет. Времени у нее в самый обрез. Благо оказалось, что Ящер ей почти сосед. Понеслась она домой. Забор перемахнула. И – на чердак. Гирьку на цепочке бросила. Теперь оружие другое надо. Мощнее.

Вот ржавая цепь в углу под ящиками. Такими цепями привязывают тракторы к телеграфным столбам, чтоб сами собой в поле не укатывались, пока трактористы в запое. Хороша цепь. Лежит тут, наверное, давно. Цепь – это мощь. Вооружилась она цепью, как пролетарий на смертный бой. А вот – гитара в пыли. Гитара – это романтика. Но девочке нашей не до романтики.

Ее всегда учили: убивать нехорошо. Но убивать нехорошо только в случае, если абстрактный икс убивает столь же абстрактного игрека. А вот если комсомольцы-добровольцы беспокойные сердца убивают пахаря – так это очень даже хорошо. Ради социальной справедливости почему бы и не убить? А еще лучше, когда наши хорошие убивают плохого под романтический ритм: «Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». У своих крестьян землю отбираем, а испанским отдать обещаем. Диалектика.

Сорвала струну гитарную, спустилась с чердака – и к деду.

Спит дед Макар в саду, как Ньютон под яблоней. Растолкала деда, растормошила. Проснулся дед встревоженный:

– А? Что? Махновцы в городе?

– Нет, дед, успокойся. Уймись. Мы все еще при красных. Лучше расскажи мне, дед, как собаку успокоить, чтоб не кидалась?

Отвернулся дед разочарованный, выдохнул засыпая:

– В рог бычий масла набей, темнота. Чему вас только в школе учат.

Понеслась снова на чердак. Нашла среди множества вещей удивительных рог бычий. Сбежала в погреб, набила рог маслом сливочным и – через забор.

2

Один переулочек. Другой. Жаль, что небо совсем уж серое с зеленой полосочкой на востоке.

Вот и Ящеров дом. И пес от ярости захлебывается. Не пес, а мерзость на ножках. Весь в пятнах. Не от одного папаши происходил, а от дружного коллектива. Ну, с ним все ясно, – сучий сын, что с него возьмешь. Бросила сучьему сыну рог бычий. Чует псина масло, языком рог лижет, зубами грызет. Но знайте, мое сочинение одолев, что пес разгрызть бычий рог не способен. Понятно, правильная конвойная, караульная или розыскная собака тренирована пищу из чужих рук не брать. Этот номер с тренированным псом не проходит. Но у Ящера пес был злым, как и он сам, но не тренированным, потому принял пес за бычий рог, не подозревая, что затея успехом не завершится: упругость и вязкость бычьего рога превышает кусательные способности любого сучьего сына.

Идет она прямо возле песьей слюнявой пасти, возле мелких острых зубов, а глаза – к небу: трепетная девочка, нежная. Зарычал пес страшным рыком. Жутко девочке худенькой.

Страшно так, что не передать. Так страшно, что хоть всю затею бросай и на танцы больше не ходи. Ощетинился пес, шерсть на загривке дыбом и слюна мерзкими клочьями. Шипит пес, разорвал бы девочку, но очень уж маслица лизнуть хочется, ни за какие коврижки из лап своих песьих тот рог не выпустит. Не отнимает девка добычу, ну и ладно, валит мимо, ну и вали, моего лакомства не трогай.

Крадется она мимо пса, а цепь в руке: ты, песик, только прыгни, врежу между ушей – опрокинешься, все лапки в небо задерутся.

Но не прыгнул пес. Так она в сад и прошла. Вот и Ящер под деревом спит, тихо похрапывая. Чудная яблоня над Ящером. Белый налив. Этим сортом яблок славен Конотоп. В конце августа от запаха конотопских яблонь дуреют молодухи, как весной от пьянящей сладости черемухового цвета.

Сорвала она травинку, Ящера в нос щекотнула. Отмахнулся Ящер. Еще щекотнула. Снова отвернулся, отмахнулся. Она – еще. Выматерился Ящер, поднял голову, оглянулся. Тут-то она ему на горло петельку и накинула. И затянула.

Считаю обязанностью доложить, что петелька из гитарной струны на горле, если ее быстро и туго затянуть, способна испортить сон.

– Ах, Ящер, лапочка, не трепыхайся.

Хрипит Ящер.

– И ручки не тяни. Ох, не тяни. Ты свое оттянул. Теперь мое время. Слушай, запомни. Часов через пять ты очухаешься в городской больнице номер семь. В хирургическом отделении. Рассказывать, как тебя шестнадцатилетняя девочка побила, совсем ни к чему. Зачем репутацию мочить? Говори, что было много здоровых мужиков. Банда неизвестных.

– Кххрх, – хрипит Ящер.

– Так вот, очухавшись, требуй к себе Ваську-мусора. Через него передашь мне свои извинения. Если в восемь вечера на танцплощадке я твоих извинений не получу, до полуночи не доживешь. Ты меня теперь хорошо знаешь.

Я свои обещания выполняю.

– Кххрх, – хрипит Ящер.

– Шутки твои про изнасилование мне очень не понравились.

– Покхршутил, – хрипит Ящер.

– Очень неуместная шутка. Этим не шутят. Я не за себя сейчас стараюсь, я за всех других девочек. Поэтому сейчас я сделаю так, что шутки про изнасилование в твою голову больше никогда не придут. Вот тебе подушка в зубы. Будь мужчиной, постарайся не орать. Это будет твой последний акт в мужском естестве. После этого ты мужчиной больше не будешь. Я тебе вечный нейтралитет обеспечу. Ну, держись. И не буди округу.

Одной рукой струну на шее натягивает, в другой – цепь. Не особенно удобно. Потому решила, что первый удар должен стать успокаивающим. Рубанула цепью тракторной. Дернула Ящера судорога, исказила морду, синевой губы налила, крик его в самом горле заглушив, вырваться из глотки не позволив.

Казалось бы: подросток не сложившийся. Ну какой там удар? Правильное замечание. Но надо принять во внимание тяжесть цепи и помножить ее на вдохновение, которое иногда посещает нежные поэтичные души. А удар был вдохновенным.

Кроме того, длину цепи надо помножить на точность удара. Она ведь не абы как била, а с полным пониманием анатомии. Это последующие удары были просто так, куда попало, как цепом по снопу, чтоб побольше зернышек выколотить, а первый был с умыслом: нейтрализующий.

Отмолотила Ящера, которого после того мужским именем Ящер называть не совсем точно, и – домой. Мимо сучьего сына, грызущего рог, мимо спящих домов и непреступных заборов. На чердак. Спать.

3

Она уснула сразу и глубоко.

Она спала долго и спокойно. Проснулась к вечеру. Оделась на этот раз в яркое платье: к чему траурный цвет? Надо веселиться. Жизнь так коротка. Подержала в руке гирьку литого свинца на сыромятном кожаном ремешке. Вдохнула и отложила. Решила идти на танцы так. Без всякого оружия. Хороша была гирька для внезапного удара. Второй раз не пройдет: пока замахнешься, тебя уж пикой три раза проткнут. Так что без гирьки, и даже – без сумки.

Вот и парк. Все в нем знакомо до последнего листика. Идет парком, расступается шпана, шепчется. Из всех углов глаза ее буравят. В ужасе мистическом. Идет она парком и грустно ей: ни Аспида не видать, ни Ящера, ни многих из их окружения. Только Васька-мусор все тут же, на боевом посту. Правда, сигарка уже отлипла и отвалилась. Увидел Васька девочку нашу, приветствовать спешит.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Васька.

– Позвольте полюбопытствовать, чем это вы вчера Аспида изрубили?

– Он сам поскользнулся и упал. Об дерево поцарапался.

– Да. Так оно и было. Так ему и надо. Ребята потолковать хотели. Познакомиться. А он, дурак, драться полез. Правильно вы его. Прокуратура дело возбуждала, так Аспид просил воздержаться. Говорит, сам во всем виноват. А вам он привет передает. Ребра у него сзади переломаны и еще что-то. Одним словом, воспаление нутра.

– Какая жалость.

– Именно так дело и обстоит. А Ящер просил передать извинения. Его вчера какая-то банда подловила да пометелила: тронешь девочку нашу, говорят, – убьем. Деликатно его так пометелили. Еле отошел. Врач ему так и сказал: «Жить будешь, но целоваться не захочешь».

Тут я должен заметить, что если уж дело до того дошло, чтобы правду говорить, то правда состоит в том, что Васька-мусор в тот момент ничего про целование не говорил. Он произнес какое-то совсем другое слово, но за прошествием стольких лет я уж и не помню, какое именно.

В другой ситуации девочка наша трепетная смутилась бы, зарделась бы яблочком наливным. Но не тот был момент. Сейчас в ней кипела спокойная ледяная ярость. Смотрит она в землю, слабо своему чему-то улыбается.

– Так, как решили? Прощаете вы Ящера? Как ему передать?

Тут подняла она голову, раскрыла ресницы и хлестнула Ваську-мусора взглядом синих глаз. Попятился Васька. Рот его вдруг просушило так, как сушит ветер аральский голую степь. Понял Васька, что сейчас она его рубить будет той самой штукой. И было бы за что! Хочется ей на руки глянуть. И страшно взгляд оторвать от глаз ее. Никогда Васька столько злости в одних глазах не видел. Ему бы одним глазком на ее руки косяка метнуть. И страшно. Вроде в руках ее он ничего не видел, даже сумки. Но ведь и у фокусника циркового тоже в руках ничего вроде нет, а потом глядь – и пистолет. Жутко Ваське совсем. Что-то сделал не так. И не понять, что именно. Вроде бы ничем ее не обидел. Вроде подошел с приветом, с извинениями от Ящера. И на тебе. Отступил Васька еще на шаг, отступился и не то присел, не то на колени пал. Вдвоем они. Никого рядом. Но из всех аллей сотни пар глаз сейчас их сверлят. Очень даже настырно. Срамота. Но Ваське не до срамоты. Ваське шкуру спасать надо. Понимает: вчера шутила, сегодня убьет. И банда какая-то в округе объявилась: кто ее тронет – тому яйца дробят. А за что? За что, спрашивается? И озарило его. Понял вдруг, что не нужны ей извинения Ящеровы. Она Ящеру приказала извиняться только для того, чтоб ему, Ваське, намек был, мол, и тебе, дубина, извиняться следует, а не просто чужие извинения передавать. Понял намек. Понял, и полегчало сразу. Ну, просить так просить. Ничего, язык не отломится:

– Гражданочка, вы уж меня того. Вы уж простите, если что не так...

– Встань, Васька. Смотреть противно. Люди кругом.

Оглянулся Васька. Правда, люди кругом и молчание над парком. Все на него уставились. А чего смотреть? Он же не на коленях. Просто нога подломилась. Оступился.

– Ты, Васька, знаешь, ночами я одна люблю ходить.

– Знаю. Знаю. Как не знать?

– Так вот, для разнообразия будешь меня вечерами домой провожать. Вроде почетного караула.

– Понял. Как же, сопроводим.

– И передай вашим, что я не обижаюсь. Сегодня мои ребята никого в Конотопе бить не будут. Все. Пока свободен.

Отскочил Васька, а она пошла танцевать.

Это был ее прощальный вечер. Больше она никогда в жизни не танцевала. Зареклась.

4

Пассажирский поезд «Одесса – Москва». Зеленые вагоны. Паровоз – серии «ИС». Для непонятливых – Иосиф Сталин. Мощный такой паровозище. Для товарных поездов – черный «ФД», Феликс Дзержинский, для пассажирских – зеленый «ИС». Черкасы, Золотоноша, Пирятин, Прилуки, Бахмач, Конотоп. Стоянка поезда 10 минут. Пассажиров просят занять свои места, провожающих просят выйти из вагонов.

Обнял дед внучку. Махнула она ему из окошка синим платочком.

Вагон у нее красивый. Не такой, как все остальные. Она привыкла в красивых. В купе одна оказалась. Без соседей. А вот это странно. В другое время – ничего особенного. Но в последние дни августа забиты все поезда. Особенно те, что на Москву идут.

Только удивилась необычности такой, как пассажиров целая гурьба в вагон ввалилась. Здоровенные все мужики, горластые, с чемоданами тяжеленными. Загородили проход. Это места десятое, одиннадцатое и двенадцатое? Так нам сюда! И сразу теснота как на Центральном рынке. Вроде стадо слонов в третье купе ворвалось. И в соседние – тоже. Не протолкнутся. Взревел паровоз, дернуло поезд, хлопнула дверь купе, затворилась.

– Гражданка Стрелецкая? Анастасия Андреевна? Рождения 13 апреля 1920 года? Вы арестованы.

Ручки ей – клац – и застегнули.

Поезд только от вокзала отошел, тут же и тормозами заскрипел.

На руки ее кофточку серенькую набросили так, что браслетиков стальных американских и не видно. И под ручки ее из вагона вежливо выводят.

– Всем пассажирам освободить коридор! Кому, бля, сказано! Освободить! Дверь захлопни, лупатый! Нос прищемлю!

Рядом с пассажирским поездом другой паровоз пых-тит – тоже серии «ИС». И один вагон с ним. Без окон. Девочку Настю из одного поезда – в другой. И чемодан ее туда же. И ватага шумная – следом. Чемоданы их только казались тяжелыми, пока в вагон втаскивали. Это для понта. А выносили их легко, как пустые коробки картонные.

Теперь пусть пассажирский поезд «Одесса – Москва» подождет. А паровоз с одним вагоном рванул к Москве. Без остановок.

5

Арестантский вагон новенький. Чистенький. Весь внутри краской пахнет. И совсем пустой. Если конвоя не считать. Конвоя – шесть дюжих мужиков и три тетки.

И одна подконвойная.

Половина вагона – для охраны, вторая половина разделена на шесть клеток. Но занята только одна из них. Занята единственным арестантом шестнадцати лет. Обыскивали Настю две тетki в синих беретах Государственной безопасности. Обыскивали с сознанием долга. С наслаждением. Одна тетка – ничего с виду. Вторая – чистая ведьма. У первой один кубик в петлицах. У второй – две шпалы. Начальница.

После обыска никто Настю не допрашивал. С ней вообще никто ни о чем не говорил. Молчание было ответом на пару ее вопросов.

Обвинений ей тоже никто не предъявлял. Но Настя и так свои грехи знает: двоим нанесла тяжкие телесные повреждения, одного искалечила до инвалидности.

Она знала давно: если ошиблась в споре, ошибку свою надо признавать немедленно и решительно, не упорствуя в глупости. Но если совершила что-то непотребное, то признаваться нельзя. Про признание разное говорят. Признание облегчает наказание, а непризнание вовсе от него избавляет. А те, кто сидел, считают, что признание облегчает только муки совести, но наказаниеотягчает. Сколько в одном месте убудет, столько в другом неминуемо прибудет. Это великий русский ученый Михайло Ломоносов открыл. Это закон сохранения. Его в школе учат. Так зачем же облегчать совесть, отягчая грядущие кары?

Умный был человек Михайло Васильевич. И фамилия у него говорящая. Во всех научных диспутах побеждал; противники знали: с этим лучше не спорить – нос поломает, а то и череп проломит.

Одно ей непонятно, как о ее подвигах Государственная безопасность узнать изловчилась? То, что она Ящера калечила, знает один только Ящер. И ему нет интереса об этом болтать. И свидетелей нет. Если Ящер такое кому и расскажет, то кто же ему поверит?

С Аспидом и его шайкой тоже все ясно. Тут Настю упрекнуть трудно. Тут самооборона в чистом виде. Нападения, правда, не было. Но оно явно замышлялось и готовилось. А она нанесла упреждающий удар. Если Аспид и его корешки расскажут, как дело было, то их же и засмеют. И чем это одна девочка могла их сокрушить? И какой суд им поверит?

Про банду, которая ее якобы защищает, Настя сама слух пустила. Если спросят, то и тут у нее ответ готов. Какая банда? Кто-то эту банду видел? И кто докажет ее связь с какой-то мифической бандой? Откуда та банда появилась и куда ускакала, если нет ее следов ни в Конотопе, ни в окрестностях?

6

Хваткий следователь тут же работать начинает, не давая арестанту возможности опомниться. Но нет следователя в арестантском вагоне. Почему это? Почему ее никто не допрашивает?

И куда ее везут? И зачем? Если преступление в Конотопе совершено, то тут и разбираться надо. Опять же странность: в Конотопе, как, впрочем, и везде у нас, мордобой к разряду преступлений не относится. Подумаешь, кто-то кого-то побил, кто-то кому-то ребро поломал, зубы выбил или, к примеру, раздробил места какие-то нежные. Что ж, за это сразу так за решетку и сажать? Тогда уж всех сразу. Но всех не пересажаешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.